

МИШЕЛЬ ЛАМОНТ

Как стать самым важным французским философом: случай Деррида¹

Каким образом *теория интерпретации* может быть легитимирована на таких различных культурных рынках, как Франция и США? В этой статье мы исследуем интеллектуальные, культурные, институциональные и социальные условия легитимации трудов Жака Деррида во французском и американском мире и на основе полученных выводов делаем некоторые предположения о том, как именно легитимируются теории интерпретации. Легитимированы были труды, которые удачно вписались в хорошо структурированную культурную и институциональную систему. Во Франции Деррида капитализовал структуру интеллектуального рынка, когда стал обращаться к широкой публике, а не к узкой группе академических философов. Среди этой публики его труды стали символом статуса и одновременно обновленным и более изощренным способом относиться к политическим событиям 1968 года. В США теория Деррида была переработана влиятельными литературоведами и введена как обязательная на многих филологических факультетах. Труды Деррида импортировались одновременно с трудами других французских ученых-гуманитариев, и это известно как наплыв фран-

¹ Michèle Lamont. How to Become a Dominant French Philosopher: The Case of Jacques Derrida. *The American Journal of Sociology*. Vol. 93. 1987. No. 3 (Nov.). P. 584–622. Первая редакция этой статьи была представлена на ежегодной конференции Американской социологической ассоциации (Вашингтон, Окр. Кол., август 1985 года). Я благодарю Говарда Бекера, Аарона Бенаво, Дьердра Бодена, Пьера Бурдые, Присциллу П. Кларк, Рэндалла Коллинза, Поля ДиМаджио, Фрэнка Р. Доббина, Марселя Фурнье, Уэнди Грисуольда, Фредрика Джеймисона, Аннетт Ларо, Шарля Лемера, Сеймура Мартина Липсета и Энн Суидлер, а также участников семинара по легитимации в Стэнфордском Университете (1984–1985) и анонимных рецензентов статьи за полезные замечания и обсуждение. Выражаю признательность Министерству иностранных дел Республики Франция, французскому правительству и фонду F. C. A. C. правительства Квебека за финансовую поддержку. По вопросам перепечатки статьи обращаться по адресу: Michèle Lamont, Department of Sociology, Princeton University, Princeton, New Jersey 08 544.

цузской теории на американский рынок. Но в области литературоведения в США именно Деррида получил преимущественную поддержку, тогда как другие французские ученые не связывались так жестко с литературоведческой дисциплиной. И так, в американских условиях главную роль в распространении трудов Деррида сыграли профессиональные институты и журналы, тогда как в жизни Франции Деррида больше всего ценил французские культурные медиа.

Вот как писал об этом свидетель событий: «Где-то в начале 1970-х годов мы пробудились от догматического сна, в который ввергла нас феноменология, и обнаружили перед собой явление, которое превосходило даже самое авангардное критическое воображение: Жака Деррида. Движение в сторону структурализма и полемика были важнее всего в интеллектуальной карьере Поля де Мана, Дж. Хиллиса Миллера, Джеффри Хартмана, Эдварда Саида и Джозефа Риддела — все они были в 1960-е годы очарованы манившей их феноменологией. Но вот прошло пять или шесть лет, и появился Деррида: он привлек к себе самых одаренных и неординарно мыслящих студентов на обоих берегах океана, встал у истоков двух новых журналов... Все они, несмотря на молодость, стали людьми видными и уже обратили на себя внимание научного мира» (Lentricchia 1980, p.159).

Успех трудов Деррида в американском литературоведении сразу же ставит несколько необычных для социологов вопросов. Оценка культурных благ в высшей степени зависит от контекстуальных культурных норм. И каким образом одно культурное благо может получить легитимацию сразу на двух различных культурных рынках — французском и американском? Говоря проще, каким образом французский философ мог получить признание в той области, где обычно царствует чистая эмпирика? И более общий вопрос: каковы минимальные условия признания какого-либо культурного продукта «важным»? Ниже мы попытаемся, на примере легитимации трудов Жака Деррида во Франции и США, проанализировать культурные, институциональные и социальные условия существования теорий интерпретации.

В социологии знания есть несколько разделов, которые непосредственно или опосредованно занимаются легитимацией теории. Обычно исследователи при этом сосредотачиваются на научных новациях, смене парадигм, законах коммуникации и распространения, научной продуктивности, а также оценке, стратификации и атрибуции научных достижений. По большей части все эти работы посвящены теориям в эмпирических науках. Вопрос об условиях легитимации интерпретации ставится только историками, изучающими отдельные случаи, но говорят скорее о побочных обстоятельствах, чем об интеллектуальной легитимации (например: Radnitsky 1973; Janik and Toulman 1973; Jay 1973; Kuklick 1977; Axelrod 1979). Существует также изучение проблем легитимации и рецепции интерпретации с точки зрения семиотики или политической истории (Jauss 1982; Chartier 1982). Социологическое изучение

легитимации философских, исторических или литературных теорий обычно отвергается (за редкими исключениями: Turkle 1978; Simonton 1976; Amsterdamska 1985), и судьба каждой неэмпирической теории рассматривается обособленно².

Главная цель исследования — развить гипотезу о том, как легитимируются теории интерпретации, рассмотрев распространение трудов Жака Деррида как показательный случай. Под интеллектуальной легитимацией мы понимаем процесс признания какой-либо теории частью научной работы, когда теорию уже не могут не замечать те, кто признают себя и признаются легитимными участниками создания когнитивного поля³. Я убежден, что легитимация теорий интерпретации не зависит от их внутренней ценности, но порождается вовлеченностью ее в сложную структурированную систему культурных и институциональных связей. Легитимация — это порождение двух различных, но одновременных процессов: (1) процесса, во время которого создатель теории объявляет ее важной и стремится легитимировать и институционализировать ее, приспособлявая к определенным академическим требованиям, обозначая вклад этой теории в общее когнитивное поле и создавая для этой теории исследовательские команды, институты, журналы и т.д.; (2) процесса, в ходе которого сначала коллеги, а потом и вся интеллектуальная публика определяют и одобряют теорию как важную и тем самым участвуют в конструировании теории и ее институционализации. Это говорит о том, что культурные рынки — не монолитные рынки, но сегментированы деятелями, признание которых само сегментирует культурный рынок.

Исходя из этого, нам нужно понять, каким образом теория интерпретации легитимируется в различных аудиториях, располагающих, соответственно, различными нормами оценки. Есть исследования, посвященные трансформации теории при попадании в другую культурную среду (например: Cardoso 1977; Janik and Toulman 1973). Мы уви-

² Во французской социологии знания в последние два десятилетия активно исследуются различные аспекты легитимации — в науке, литературе и искусстве (см., например: Bourdieu 1983, 1986; Charles 1983; Fabiani 1983; Karady 1979; Pinto 1984; Pollack 1979). В названных работах не предпринимается попыток создать полную систематическую теорию процесса легитимации интерпретативных теорий. Также почти не ставится вопрос о множественных источниках легитимации интерпретативных теорий; социологи знания сосредоточены на анализе социальной детерминированности культурных продуктов и рассматривают такие явления, как привычки производителя культурного продукта и его аудитории, структура «поля» предложения и спроса, сходство в отвождении позиций теми деятелями, которые уже занимают сходные позиции, и проч. (Bourdieu 1971, pp. 12–18). Но изучение легитимации интерпретативных теорий невозможно без опоры на некоторые полученные при этом выводы.

³ Это определение отличается от анализа легитимации у Бурдьё (Bourdieu 1969, p. 103), так как я сосредотачиваюсь на общественном признании научной работы независимо от ее ценности. Для Бурдьё легитимация — это утверждение *позиции* данной работы.

дим, что интеллектуальная легитимация теории в различных условиях зависит от возможности приспособить ее к специфическим местным требованиям. Работа должна учитывать институциональную и культурную специфику различных рынков. Так, легитимация трудов Деррида в США стала возможна потому, что эти труды отвечали ожиданиям тех интеллектуалов, которым важно было утвердить себя не как представителей широкой публики, а как специалистов-литературоведов. Кроме того, популярности Деррида способствовал импорт идей других французских авторов: этот импорт и создал американский рынок для французских теорий интерпретации.

В статье будут реконструироваться интеллектуальные, культурные, институциональные и социальные условия интеллектуальной легитимации трудов Деррида. Мы будем говорить о (1) конструировании, усвоении и институционализации теории деконструкции как важной теории самим Деррида, коллегами и интеллектуальной публикой и (2) структуре культурной и институциональной системы ограничений, сдерживающих этот процесс, то есть о тех правилах игры, о тех структурных требованиях, с которыми пришлось столкнуться трудам и личной траектории Деррида, прежде чем его теория была объявлена важной. Я определяю эти требования через сравнение с работами и траекториями других представителей новейшей французской философии⁴. Для этого необходимо было проанализировать контекст, в котором эти философы были легитимированы, а их работы обрели свое место. Рассматривая особенности деятельности этих интеллектуалов, мы начинаем лучше понимать, что такое легитимированный французский интеллектуал и какими свойствами он должен обладать, чтобы рассматриваться как член этой группы. Более систематический анализ этих требований, и особенно влияния структуры рынка на спектр возможностей и достижений, оставляется для дальнейших изысканий.

В первой части работы кратко излагаются главные пункты теории Деррида. Я пытаюсь определить, какие аспекты его работ были необходимы для его интеллектуальной легитимации, с учетом парижско-

⁴ Этот пример был сконструирован с опорой на технику «идентификации элит» (Kadushin 1974). Летом 1980 года я попросил входящих в десятку выдающихся французских философов и пятерых издателей ведущих интеллектуальных журналов назвать десять «самых важных» современных французских философов. Я получил почти те же результаты, что и Декомб (Descombes 1980), применивший тот же метод, и Монтефьоре (Montefiore 1983). Затем я взял интервью у некоторых из этих философов, чтобы собрать данные об их интеллектуальных и институциональных траекториях. Также я обратился к различным вторичным источникам и библиографиям (см. Приложение) для дополнительного контроля полученных выводов. В список самых важных современных французских философов попали Луи Альтюссер, Жан Бодрийяр, Франсуа Шитле, Жиль Делез, Жак Деррида, Эммануэль Левинас, Мишель Фуко, Жан-Франсуа Лиотар, Поль Рикер и Мишель Серр.

го интеллектуального и институционального контекста 1960-х годов. В центре рассмотрения оказывается как вписанность работ Деррида в сложно структурированную культурную систему, так и особенности его интеллектуального труда, способствовавшие распространению его работ, например его писательский стиль. Во второй части я настаиваю на том, что интеллектуальная легитимация зависит от институциональной поддержки и что доступ к институциональной поддержке зависит от интеллектуального сотрудничества, а также что культурный капитал исключительно важен для блокирования или облегчения доступа в интеллектуальные круги и институции, а значит, в конечном счете определяет процесс институциализации. В этой части доказывається, что Деррида капитализовал структуру интеллектуального рынка, обратив свои труды к нескольким уже конституированным слоям публики, отказавшись от общения с профессиональными философами, и что культурные медиа оказались нужнее всего для распространения (*disseminating*) трудов Деррида среди широкой публики. И наконец, в третьей части подробно рассматривается легитимация трудов Деррида в США. Определяются условия импорта теории Деррида, особенно ее адаптация к теоретическим дебатам в американском литературоведении, ее инкорпорирование в труды известных в США ученых-гуманитариев и распространение в престижных академических институциях. Фокус внимания переносится на те особые свойства американского культурного рынка, которые и позволили без остатка воспринять труды Деррида. Я настаиваю на том, что обращение к широкой публике предопределило успех Деррида в США и что в распространении его идей в США решающую роль сыграли профессиональные институции и журналы, тогда как во Франции были важнее культурные медиа. Также я покажу, что сторонники Деррида находятся в основном на филологических факультетах, в отличие от приверженцев других французских интеллектуалов, например Фуко, которых можно найти в самых различных институциях⁵.

⁵ Необходимо заметить, что Бурдьё и его коллеги понимают культурную легитимацию как продукт целой сети отношений. При этом все сети рассматриваются как «поля», где (в согласии с сосюрвским пониманием знаковых систем) ценность и значение каждого элемента (производители культуры, произведения, занятие эстетической или политической позиции, институции) определяются только в отношении друг ко другу. Например: «Любое занятие позиции... получает свою относительную ценность от негативного соотнесения с сосуществующим занятием позиции, с которым оно таким образом связано объективно и которое определяет его путем отграничения от себя» (Bourdieu 1983, p. 313); или: «Возникновение группы, способной „сделать эпоху“ или представить новую, продвинутую позицию, сопровождается смещением всей структуры временно иерархизованных позиций, которые противопоставляются внутри *каждого* поля: каждая позиция сдвигается на ступень ниже во временной иерархии, которая синхронно является социальной иерархии» (p. 340). Признавая всю важность такого анализа, я не буду говорить о системах позиций вообще, но постараюсь сосредоточиться на структурных свойствах национальных исследо-

Предложенный в этой статье анализ основывается на фактах биографии, на последних выводах из истории современных литературоведения и философии и на социологических разработках французских интеллектуалов. Дополнительные данные о Деррида и других интеллектуалах были собраны в интервью (1980; 1984) с французскими и американскими философами и литературоведами, а также другими деятелями, занятыми в производстве интеллектуального продукта во Франции (например, журналистами, издателями). Биографический источник по структурализму (Miller 1981) сослужил большую службу для понимания путей распространения трудов Деррида.

1. Деррида: теоретические основы

Любые надежды заключают в себе смущение: когда мы пытаемся понять, что сказал Деррида, мы чувствуем, что фальсифицируем его проект, и фальсификация здесь неотвратима (Culler 1975, p. 156).

Чтобы понять связь теории Деррида с интеллектуальными условиями его работы, необходимо изучить основные доводы в трудах Деррида⁶. Ниже будет показано, что определенные свойства трудов Деррида, в частности его писательский стиль, способствовали их распространению во французских интеллектуальных кругах, ответили на текущие культурные запросы и обеспечили институционализацию этих трудов в качестве «важных». Распространению трудов Деррида во Франции за последние 20 лет способствовали такие три важные параметра, как (1) совпадение с интеллектуальной культурой специальных групп французского высшего среднего класса (specific fractions of the French upper-middle class), (2) политическая насущность их для французских интеллектуалов конца 1960-х годов и (3) обращение к профессиональным философским вопросам и обновление образа философии в условиях кризиса ее институциональной легитимации.

Деконструкция

Отправной точкой для рассуждений Деррида стал знаменитый «Курс общей лингвистики» (1915) Фердинанда де Соссюра (1857–1913), который, как в семени, уже содержал в себе весь структурализм. Де Соссюр различал между означающим (звуком или письменным знаком) и означаемым (понятием или идеей) как двумя принципиальными составляющими языка. Он доказывал, что связь означающего и означаемого конвенциональна — мы не сможем найти никакого сходства между идеей

вательских полей (например, культурных требованиях, роли различных институций в регулировании этого поля, структуре интеллектуального рынка и т. п.).

⁶ Эти введения в труды Деррида: Jameson 1972; Culler 1975; Descombes 1980; Lentricchia 1980; Norris 1982; Leitch 1983.

трубки и теми звуками или буквами, которые составляют слово «трубка». Языки де Соссюр понимал как системы знаков, состоящие из конвенционально связанных означающих и означаемых. Значение каждого знака релятивно, то есть знак определяется только через свое отличие от всех остальных знаков. Например, буква «а» имеет смысл только тогда, когда мы отличаем ее от всех остальных букв алфавита. Языки, таким образом, это системы взаимосвязей, в которых каждый элемент определяет смысл только по соотношению с другими элементами. Настаивая на структурной обусловленности языка, де Соссюр оспаривал филологический в широком смысле подход, который преобладал в лингвистике XIX века и требовал сосредоточиться на «исторической эволюции языка», понятого как продукт человеческого разума. В структуралистской теории де Соссюра нет места такому гуманизму: в языке познаваем только синтаксис, и синхрония для понимания смысла важнее диахронии.

Деррида поставил соссюрскую идею различия под вопрос: вряд ли можно говорить, что А полностью отлично от Б. Деррида доказывает, что чистого различия не существует: А содержит в себе Б, раз хотя бы в чем-то им определяется. Оба знака дополняют и частично выражают друг друга. Такое отношение между элементами, знаками или «следами» (то есть записанными знаками) Деррида назвал различанием (Derrida 1972, pp. 24–28).

Созданное Деррида понятие «различание» — центральное в его теоретической системе. Оно означает одновременно различность (отделенность и отличие) и отличность чего-то как наличное отсутствие другого, потому что опущение чего-то сказывается в присутствующем. Французский глагол для понятия «различать» (*différer*) заключает в себе оба значения. Если говорить в терминах Деррида, означивание возможно только в том случае, если каждый «присутствующий» элемент, появившийся в просвете, соотносится с другим, чем он, элементом, но при этом сохраняет маркер прошлого элемента и сам позволяет себе остаться всего лишь маркером соотношения с будущим элементом. «След» отсылает скорее к будущему вещи, чем к ее прошлому, и его присутствие знаменует отсутствующий предмет, и само таким образом выражает только полное отсутствие того предмета, поэтому невозможно рассматривать прошлое или будущее как модификации настоящего. Конечно, между бытием и небытием есть разрыв, но этот же разрыв разрывает и настоящее любого предмета, и, таким образом, частное бытие может быть понято как «субстанция» или «субъект» только из-за иллюзий нашего метафизического языка (Derrida [1967] 1973, pp. 142–143).

Любой элемент содержит в себе другие элементы. Поэтому логически невозможна самостоятельная сущность или изначальное присутствие. Мир состоит из интерференции элементов, ни один из которых не знает прецедента. Названные предпосылки стали отправным пунктом для всесторонней атаки на философскую традицию, которая, как

говорит Деррида, коснеет в дихотомиях бытие/ничто, правда/ложь и природа/культура. Деррида описывает западную интеллектуальную традицию как поиск трансцендентального бытия, которое должно породить или гарантировать смысл. Вслед за Ницше Деррида критикует философские занятия как «логоцентризм», то есть попытку изобразить смысловые связи как мировые, причем исходя из бытия, которое само ни с чем не соотносится.

Труд де Соссюра не пропал в анализе речи у Деррида. Деррида предположил, что устная речь гораздо полнее раскрывает смысл, чем письменный знак. В своей книге «О грамматологии» Деррида отрицает существование основополагающих значений и пытается изучать письменные знаки как повод к множественным интерпретациям. Деррида выдвигает деконструкцию как метод дешифровки различных и часто противоречащих друг другу смыслов текста. Деррида согласен с Бартом в том, что нет никакой привилегированной точки, с которой мы могли бы уловить трансцендентальный смысл, вырвавшийся за пределы дискурса. Тогда получается, что и сами книги следует рассматривать как собрания знаков, наравне с именами авторов. Тексты отрешаются от предполагаемых намерений авторов, от всякого литературного контекста и всякого социального контекста. Традиционная граница между литературой и литературоведением проваливается в никуда, потому что всякое чтение — это новое сотворение текста, это нескончаемый процесс интерпретации (Derrida [1967] 1976, p. 226).

Цель деконструкции — вскрыть подразумеваемые иерархии, содержащиеся в тексте, из-за которых мы приписываем реальности порядок и тем самым осуществляем репрессию, поскольку любая иерархия исключает, субординирует или утаивает различные возможные значения. «Деконструировать философию — это означает помыслить со всей возможной точностью и проницательностью структурную генеалогию философских понятий, но одновременно определить (с той внешней точки, которая не квалифицируется или не именуется в философии), что в этой истории могло быть диссимулировано или запрещено, так как, превращаясь в историю, вещи хотя бы в малой степени подвергаются мотивированной репрессии» (Derrida [1972] 1981a, p. 6). Деконструкция тогда понимается как метанаука, преодолевшая метафизику логоцентрических систем: «Она фиксирует и сдерживает науку... она отмечает и одновременно разрушает границы, поставленные классической научностью» (Derrida 1981a, p. 36).

Ключевой для нас будет связь теории и интеллектуальной среды. Многие составляющие стили и содержания трудов Деррида способствовали легитимации его теории и снисканию почтительного к ней отношения. Прежде всего, (1) стиль письма и аргументации Деррида отвечает культурным требованиям французской интеллектуальной среды. Затем, (2) оригинальность трудов Деррида, их подчеркнутая замкнутость на философской классике и их вклад в интеллектуальные дис-

куссии отвечает требованиям, предъявляемым к академическим работам. Наконец, (3) применение деконструкции к классике и попытка трансценденции всей философской традиции добавляет работам Деррида престижа и гарантирует быстрое их распространение в среде интеллектуалов.

Академические и культурные требования

Жак Деррида описывает свой писательский стиль следующим образом: «Запутываться в сотнях страниц письма, одновременно настойчивого и эллиптического, предавать печати взгляд, даже если что-то приходится выскабливать, помещать любое понятие в бесконечную цепь различий, окружать и облекать его таким числом оговорок, ссылок, примечаний, цитат, коллажей, приложений — тогда это „намерение ничего не сказать“ не может заслужить особых гарантий» (Derrida [1972] 1981b, p. 14).

Некоторые авторы описывали стиль Деррида как игру, как «безответственное удовольствие» или как сознательную попытку сбить с толку читателя, «технически выверенную тревогу» (Watson 1978, p. 13). Деррида, как и другие французские интеллектуалы, прогремел своим изощренным и иногда темным стилем изложения (Lemert 1981, p. 10). Более того, большинство современных французских философов, как и Деррида, используют диалектическую манеру аргументации. Послевоенная французская философия подверглась сильнейшему влиянию построений Гегеля и Маркса, и их диалектический пафос был впитан культурой философского рассуждения (Descombes 1980). Писать и мыслить диалектически для интеллектуалов означает теперь капитализацию устоявшейся манеры мысли и читательских привычек французской публики, предвидя кратный рост тиражей (Bourdieu 1975, p. 110). Для сравнения: Жак Бувресс, один из немногих французских аналитических философов, написал в статье «Почему я совсем не похож на француза»: «Мне много раз говорили, что мои работы французская философская публика почти не читает, потому что они состоят из одной логики (и это означает, что читательский интерес не уменьшился, если бы я вообще исключил из книги философские элементы)» (Bouveresse 1983, p. 10).

Изошренная риторика представляется нам структурным требованием для интеллектуальной легитимации во французском философском сообществе: риторическая виртуозность, как там считается, позволяет лучше утвердить свой статус и найти свое место в среде французских философов. Чтобы быть участником философской жизни, нужно уметь свободно играть возможностями риторики — и в трудах Деррида мы находим полное соответствие этому требованию.

Приподнятый риторический стиль заимствовался и /или воспроизводился множеством менее успешных французских философов, и поэтому нельзя считать его определяющим критерием интеллектуальной легитимации и тем более считать, что каждый ритор во Фран-

ции автоматически становится философом. Гораздо важнее там создание *теоретического бренда*, вписывающегося в давнюю интеллектуальную традицию (Bourdieu 1986, p.159). Деррида создал теоретический аппарат, непохожий на все предшествующие философские системы. Деконструкция располагает набором «непонятий»: в ней используются такие термины, как след, граммe, восполнение, гимен, тимпан, диссеминация и метафора. И за каждым из них стоят какие-то изучаемые явления. Теоретический аппарат Деррида — это такая хорошая оснастка, всегда отмеченная именно его мыслью, что его можно как он есть применять в разговоре в интеллектуальном сообществе. Как писал Хайрих (Heirich 1976, p.37), «если обращать идеи в активы, то можно предвидеть их дальнейшее использование и обеспечить их проникновение в самые разные интеллектуальные среды». Можно вспомнить «экзистенциализм» Сартра, «эпистемологический разрыв» Альтюссера, «повседневность» Лефевра, «сон-текст» и «стадию зеркала» Лакана, «археологию» Фуко и «шизоанализ» Делеза (Descombes 1980; Kurzweil 1980) — они стали такими же теоретическими брендами, легитимировавшими труды этих мыслителей.

Академическая работа всегда должна соотноситься с самыми важными дискуссиями в исследуемой области и требует ссылок на самых больших работающих в этой области авторитетов (Adatto and Cole 1981; Bourdieu 1975). Деконструкция напоминает другие теоретические системы, которые с легкостью вписались и встроились в парижскую интеллектуальную среду 1960-х годов. Для философской аудитории было очень важно, что деконструкция распространилась вместе с другими, сходными идеями. Постоянные указания Деррида на трансцендентность философского дискурса и на «конец философии» разительно напоминают центральные темы самых популярных в 1960-е годы философских трудов («За Маркса» Л. Альтюссера, «Немецкая идеология» Маркса и Энгельса (Fery and Renaut 1985)). Также в центре внимания интеллектуалов находились поставленные Соссюром вопросы о множественности смыслов и интертекстуальности — основополагающие темы семиологии. Сам Деррида представлял свои теоретические новации как продолжение трудов Гуссерля, Хайдеггера и Ницше в их противостоянии Гегелю. Феноменология Гуссерля, критика Хайдеггером логоцентризма всей философской традиции и критика гуманизма у Ницше широко представлены в трудах Деррида как теоретическое предвестие деконструкции. Введенное Деррида понятие интерпретации как свободной игры ума также было прямо заимствовано у Ницше. Деррида определяет себя как противника Гегеля и критикует гегелевские идеи «целостности» и «противоречия» как простое резюме идей единства и присутствия (Derrida 1981a, pp.40–41).

Наконец, вместе с Бартом, Фуко и Лаканом Деррида ориентируется на культурные установки левых европейских интеллектуалов: ведь он также изучает вопрос о власти в связи с культурой, знанием и рацио-

нальностью. Вопрос о власти был центральным и для Франкфуртской школы, и для Бирмингемской школы, и для итальянского марксизма. Важность этому вопросу придали социалисты, для которых важно было подчеркнуть роль своей партии и вообще левых интеллектуалов в политической жизни.

Легитимация трудов Деррида во многом обязана той философской традиции, к которой Деррида примкнул: деконструкция стала почитаться благодаря родству с деятельностью Хайдеггера, Гуссерля и Ницше — с их уже классической попыткой встать в трансцендентную позицию в отношении философской (Boltanski 1975). Такой подход легко воспроизводится благодаря двусмысленности его начальных приложений и приложимости к любому тексту. Деррида сделал такое преодоление философии еще более всеохватным, сразу же замахнувшись на легитимацию всех своих построений. Теперь нам следует рассмотреть, как именно сработал проект Деррида, обратив внимание на ключевые моменты деятельности этого мыслителя.

Хайдеггер, Гуссерль, Ницше и Гегель пользуются во Франции бесспорным уважением как представители почтеннейшей традиции немецкой философской работы (Wahl 1962; Descombes 1980). Вступив в диалог с названными классиками философии, Деррида сделал заявку на собственное отношение к этой почитаемой всеми философской традиции. Если бы он решил заняться Юмом, Локком или Миллем, это была бы совсем другая история — по причинам, меньше всего связанным с действительным содержанием его аналитических рассуждений.

Деррида сразу принялся за проблему, которую он назвал одной из центральных проблем философии — проблему судьбы самой философии. Он стал исследовать основания философского мышления, стремясь избавиться философский разум от былого несовершенства. Деконструкция, которую адепты называют метанаукой, должна и охватить, и превзойти философию. Поэтому труд Деррида сразу же квалифицировался как важный (Boltanski 1975). Далее, деконструкция претендует заново интерпретировать всю философскую традицию и превзойти ее в качестве единой системой. Деконструкция при этом позволяет весьма свободно обходиться с классикой: например, один из моих корреспондентов сообщил мне, что американские студенты-дипломники, специализирующиеся по литературоведению, охотно критикуют логоцентризм философской традиции и потому обходятся без чтения философских книг.

Теоретическая стратегия Деррида состоит в том, что он, смещая фокус интерпретации и становясь над всеми «текстами», вскрывает подразумеваемые значения. Деррида применяет названную стратегию к различным авторам, важным для западной литературы (Руссо, Малларме, Фрейд, Валери, Арто). Престиж этих авторов, конечно, распространяется читателями и на все интерпретации. Деконструируя известные литературные тексты, Деррида поддерживает коллегиальное обще-

ние со специалистами, такими как Ролан Барт, Поль де Ман, Мишель Фуко, Эммануэль Левинас, Поль Рикер, чей статус в науке, несомненно, способствует признанию важности трудов Деррида.

Сосредоточившись на скрытых значениях и возводя в принцип диалектические дебаты, Деррида наполняет свои работы двусмысленностями и тем самым провоцирует нескончаемые дискуссии вокруг им написанного. Согласно Сёрлю, доводы Деррида напоминают игру в орла и решку и представляют собой всякий раз очередное воспроизведение деконструкции, ведь все критерии, по которым можно было бы оценить его теорию, заранее объявлены относительными. Такое воспроизведение теории Деррида оправдывает тем, что одни и те же операции деконструкции можно применять к любому числу текстов. Поэтому те, кто перенимают технику Деррида, чувствуют себя свободно: любой текст им по плечу, и, главное, они могут чувствовать себя экспертами в любой новой для них области знаний.

Наконец, Деррида прельщает интеллектуалов своей харизмой интеллектуала, находящегося в авангарде. Когда Деррида говорит, что читатель заново творит текст, он объявляет и собственные работы творчеством, близким художественному и писательскому (см., например, его «Позиции» [Derrida 1981a]). Как и его предшественники, Барт и Леви-Стросс, Деррида изображает интеллектуальную жизнь как приключения современного Прометея, рациональность которого бросает вызов власти. Как и другие харизматические интеллектуалы, Деррида стал ролевой моделью для молодых французских интеллектуалов и увеличил число приверженцев гуманитарного знания.

Социальный, политический и институциональный контексты

Мы видели, что Деррида соответствует всем основным культурным и академическим требованиям французской интеллектуальной сцены: его писательский стиль достаточно изощрен, теоретические позиции продуманны, вопросы, которые он ставит, важны для философии сами по себе и значимы как часть «лучшей» философской традиции. Выполнить эти требования необходимо, прежде чем вообще представлять свою работу, а полное соответствие этим требованиям легитимирует работу независимо от ее содержания. Также мы утверждаем, что труды Деррида вписываются во все важнейшие интеллектуальные, политические и профессиональные контексты, существующие во Франции — и это максимально облегчило распространение его идей. Назову только самые важные контексты: (1) интеллектуальные отсылки к культуре французского высшего среднего класса (upper-middle-class), (2) политическая ситуация конца 1960-х годов и (3) институциональные изменения в философии.

1. Привычки потребления в сегментах высшего среднего класса (профессионалы в культурной и социальной сферах, преподаватели, гражданские

слушатели) и типология их участия в интеллектуальной жизни способствовали распространению работ Деррида. Ограниченные возможности вертикальной экономической мобильности между классами и внутри социальных групп в послевоенной Франции компенсировались инвестициями в образовательную и культурную мобильность — особенно в высшем и среднем классе (Magseau 1977). Весь этот период новые участники культурной жизни по большей части инвестировали в потребление «изошренного» культурного продукта (Bourdieu 1984; Lamont 1987) для повышения и поддержания собственного статуса. Только потребляя продукты де люкс, можно было стать полноценным членом статусной группы. Среди этих отменных продуктов важное место занимала интеллектуальная продукция, в том числе деконструкция, которую с трудом понимают даже люди с высшим образованием. Чтобы ее понять, нужно прочесть немало книг, прослушать целые курсы — на что только не пойдешь, чтобы стать частью интеллектуальной элиты. Парижский пропагандист творчества Деррида Люсетт Финас заметила: «Когда сложные и важные мысли Деррида приходится открывать перед широкой публикой, они неизбежно деформируются, ослабляются и обедняются. Сложность текстов Деррида не случайна, но связана с самим способом письменной передачи знания, выбранным этим мыслителем. Жак Деррида прежде всего писатель, и поэтому никакое систематическое и тем более учебное изложение его идей не может воспроизвести множасьую сложность его текстов» (Finas 1973, p. 13). Если деконструкция предлагается покупателям как изошренный культурный продукт, то он получает широкое распространение, повышая символический статус целевой аудитории. Таким образом, можно сказать о том, что труды Деррида предназначены не для узкого, но для широкого рынка.

2. Тиражи трудов Деррида достигли пика в начале 1970-х годов, всего лишь через несколько лет после политического обострения мая 1968 года. После студенческого бунта интеллектуалы почувствовали, что они переросли свою прежнюю марксистскую риторику (Judt 1986; Wuthnow et al. 1984, p. 135). Первые годы после этих событий были периодом стагнации левой мысли — весь ее строй стал нуждаться в срочном обновлении. Деррида смог дать ответ на политическую ситуацию, и его теоретическая позиция оказалась наиболее уместной. Как и другие интеллектуалы из структуралистов и постструктуралистов (Ролан Барт, Жиль Делез, Мишель Фуко) и как еще ранее — Сартр, Деррида стремился обнаружить скрытые пути реализации власти, которых не замечал классический марксизм. Как и Маркс в своей теории идеологии, так и Деррида утверждал, что власть и иерархии *кроются позади* явных значений в тексте. Деконструкция представляла собой тогда разоблачение этих смысловых иерархий. Теоретической задачей Деррида стало «утверждение, в духе Ницше, свободной и веселой игры в мире, из которого ушла истина, у которого уже нет больше истоков и который поэтому доступен преобразованиям через интерпретацию» (Derrida 1981a, p. 43). Как заметили

Джей (Jay 1984, p. 516) и Райан (Ryan 1982, p. 213), эта свободная игра приобрела форму теоретического анархизма. Но анархизм и пользовался наибольшим спросом на французском рынке культурных достижений в конце 1960-х годов.

3. Распространение трудов Деррида отвечало и профессиональным интересам философов. Французская философия в 1960-е и 1970-е годы переживала кризис легитимации: правительство пыталось сократить преподавание философии в лицее, а сами философы подвергались жесткой критике со стороны представителей социальных наук. Деррида выступил в защиту философии и атаковал логоцентризм этой критики, а затем переформулировал «философский проект», представив его интеллектуальным занятием на долгосрочную аналитико-критическую перспективу (G. R. E. P. H. 1977). Деррида удалось создать положительный образ философии, во многом за счет критики старого академизма, по стопам Барта. Деррида пошел еще дальше, чем Барт, и стал делегитимировать науку как логоцентрический дискурс. Его эпистемологический ответ нашел широкую поддержку в среде тех, кто давно уже хотел сказать о кризисе наук. Таким образом, распространению работ Деррида способствовал кризис научных дисциплин, на фоне которого предложенная Деррида концепция философии смотрелась очень выигрышно.

В данном разделе я сосредоточился на эффектах институционализации теории, связанных со своевременным выпуском нужных книг. Важнее всего для меня было установить связь трудов Деррида с тем культурным и институциональным контекстом, в котором ему пришлось действовать. Но сейчас нам предстоит перейти ко второму уровню социальной легитимации и рассмотреть, когда именно коллеги и интеллектуальная публика начинают признавать какую-либо теорию «важной».

2. Интеллектуальная и институциональная траектория Деррида

Легитимация любого культурного продукта в большой степени зависит от интеллектуального сотрудничества и институциональных обстоятельств. Я попытаюсь доказать, что (1) институциональные обстоятельства (позиция школ, журналов, профессиональных объединений) и участие самого Деррида в спорах о структурализме способствовали признанию его работ важными; (2) профессиональная траектория Деррида отвечала институциональным требованиям, выдвинутым другими интеллектуалами; (3) Деррида смог правильно распорядиться формами культурного капитала и потому вписаться в профессиональную среду; (4) Деррида знал, с кем нужно сотрудничать, и потому заслужил институциональную поддержку, которая повлекла за собой и интеллектуальную легитимацию его трудов; (5) его участие в работе интеллектуалов было тесно связано с поддержкой со стороны инсти-

туций и (6) деконструкция не распространялась (is not disseminated) на каком-то одном рынке, но смогла завоевать хорошие рабочие сегменты на культурных рынках.

Институциональная поддержка как условие интеллектуальной легитимации

Деррида участвовал в деятельности институций, которые способствовали распространению его трудов и квалификации этих трудов как важных. Так как многие французские интеллектуалы были причастны к тем же престижным институциям, то участие Деррида в работе этих институций (журналы, школы, культурные медиа, профессиональные объединения) следует рассматривать как соответствие структурным требованиям интеллектуальной легитимации во Франции.

Школы, в которых Деррида получил философское образование, придали ему облик представителя высочайшей философской культуры. Деррида изучал философию в Высшей Нормальной Школе на рю д'Юльм — философское отделение в этом вузе считается самым престижным, а сама Школа является признанным центром французской философии (Clark and Clark 1982). Деррида также учился в Сорбонне у Ж. Ипполита и М. де Гандийака. Поддержка этих двух влиятельных профессоров дала возможность Деррида опубликоваться и показать себя начинающим перспективным исследователем. И Высшая Нормальная Школа, и Сорбонна ввели Деррида в мир институциональной науки, где он мог удовлетворить свои чаяния и проявить способности. Большая часть парижской интеллектуальной элиты была связано со зданием на рю д'Юльм, и кружки, возникавшие в Школе, потом оказывались важны для их карьеры. Учащиеся принадлежали к единому интеллектуальному миру и ставили одни и те же «важнейшие» вопросы (Bourdieu 1969, p. 113).

В распространении трудов Деррида важнейшую роль сыграли два журнала, обладавшие высоким институциональным статусом: *Tel Quel* и *Critique*. Как и *Les Temps modernes* Сартра, эти журналы публиковали литературные и философские эссе, адресованные парижской академической публике. Журнал *Critique*, во главе с Жаном Пьеелем, открыл свои страницы для работ новаторов в философии, таких как Жиль Делез, Эммануэль Левинас, Мишель Фуко и Поль Рикер. В журнале *Tel Quel* не было такого эклектизма, он был трибуной одного направления — Новой критики, к которому принадлежали знаменитые интеллектуалы Ролан Барт, Юлия Кристева и Филипп Соллерс. Журнал пропагандировал взгляды этой группы, превращая ее из собрания единомышленников в полноценную институцию. Деррида сотрудничал с этим журналом, поскольку придерживался близких воззрений на культуру, и, конечно же, интеллектуальное сотрудничество переросло в институциональную поддержку. Интеллектуальный проект журнала *Tel Quel* представлял собой деконструкцию иерархий, зиждущихся на трансцендентальном означаемом (Caws 1973; Jameson 1980, p. 732). В 1960-е годы журнал оказывал заметное влияние на левых интел-

лектуалов. Его критика традиционного академизма символизировала для интеллектуального авангарда идеалы мая 1968 года. Все статьи, которые печатались в этом журнале, вызывали повышенный интерес. Таким образом, широкое распространение трудов Деррида среди интеллектуалов во многом было обязано авторитету этого журнала, оказавшегося в центре культурных процессов. Писать о культуре в журналах и газетах — это всегда было главное занятие парижских интеллектуалов, и эти журналы и газеты берет в руки каждый, кто считает себя «образованным» (Debray 1979; Hamon and Rotman 1981). Эти издания определяют интеллектуальную культуру верхнего среднего класса и контролируют доступ интеллектуального товара на этот рынок. Учитывая такую структуру французской интеллектуальной сцены, для всякого автора важнее всего попасть в круг тех, кто готовит эти публикации (Pinto 1981). Рецензии на труды Деррида удвоили интерес к ним. Так, в 1967 году Деррида напечатал три важнейших книги: «О грамматологии», «Голос и феномен» и «Письмо и различие» (англ. пер., соотв., 1976, 1973, 1967). В 1972 году он также выпустил сразу три книги: «Диссеминации», «Позиции» и «По краям философии». Рецензии на его книги вышли в 1967–1968 годах в таких многотиражных изданиях, как *La Quinzaine Littéraire*, *Le Nouvel Observateur* и *Le Monde*. В 1972 году вышел специальный выпуск журнала *Les Lettres Françaises*, посвященный его трудам, а в 1973 году этому примеру последовал журнал *Arc*. В статье, которая была напечатана в *Le Nouvel Observateur* в 1975 году Деррида был поставлен в ряд четырех «первосвященников» французской университетской жизни наравне с Бартом, Фуко и Лаканом. Все это время Деррида получал поддержку в *Le Monde*, благодаря обзорам его бывшего студента Кристиана де ля Кампань, и в *Le Nouvel Observateur*⁷.

Деррида устроился на полную ставку в Высшей Нормальной Школе в 1967 году и стал преподавать в Школе Высших Научных Исследований в 1984 году. В Высшей Нормальной Школе среди многих преподавали Луи Альгюссер, Мишель Фуко и Жак Лакан, а в Школе Высших Научных Исследований работали самые выдающиеся гуманитарии. Членство Деррида в штате этих престижных заведений позволило институционализировать его «видение мира», и он был вскоре признан видным философом. Он сразу поддержал кружок студентов с улицы д'Юльм, которые создали журнал *Digraphe*, где печатали вдохновленные творчеством Деррида статьи. При журнале было и издательство, где издавались книги о Деррида, члены редколлегии брали интервью у Деррида и о Деррида — достаточно назвать такие книги, как «Отклонения» (Ecart — Finas et al. 1973), «Мимесис артикуляций» (Agacinski et al. 1975) и «Упадок письма» (Laruelle et al. 1977). Они же организовали крупные конференции, посвященные творчеству Деррида в 1976 и 1980 годах. Люсетт Фина, Сара Кофман, Филипп Лаку-Лабарт, Жан-Мишель Рей, Жан-Люк Нанси и другие стали обращаться

⁷ Нужно отметить, что Деррида, в отличие от других французских интеллектуалов, не стремился к широкой медийной известности.

к проблематике Деррида как к лейблу их группы и создали себе теоретические и институциональные ниши, где и продолжили творить деконструкцию. Эти же ученики и последователи Деррида старались, чтобы проблематика Деррида была одобрена во всех кругах парижских интеллектуалов.

Также нужно сказать и о двух организациях, занимавшихся продвижением французской философии: они также поспособствовали признанию и интеллектуальной оценке Деррида. В 1974 году Деррида со своими студентами создал Группу исследования философского образования (Groupe de recherche sur l'enseignement de la philosophie; G. R. E. P. H.) с целью противостоять правительственной реформе, сокращавшей число вакансий для философов. Политические заявления Деррида в связи с «реформой Жискара-Габи» привлекли внимание прессы и превратили Деррида в своеобразного спикера философского сообщества. В 1981 году социалистическое правительство назначило Деррида одним из руководителей Международного философского колледжа (Collège international de philosophie), общественная миссия которого состояла, в частности, в том, чтобы обеспечить международное признание французской философии (Collège 1982). Это назначение упрочило позицию Деррида во французской философской среде и легитимировало его участие в жизни философских институций США.

И наконец, приверженность Деррида институциям значительно усиливалась его собственным культурным капиталом⁸. Особенности философских трудов Деррида, прежде всего ссылки на престижную интеллектуальную традицию и обширная эрудиция, позволили квалифицировать их как статусное культурное достояние. Ссылки на те книги, которые обладают высоким статусом в культуре, весьма способствовали легитимации интерпретативных теорий Деррида. Доступ в престижные институции всегда облегчает культурный капитал: достаточно показать, что твой культурный уровень не позорит твой высокий статус выпускника Высшей Нормальной Школы, и вот уже можно братья за важнейшие вопросы, считая себя коллегой не только образованных людей, но и философов (DiMaggio and Mohr 1985).

Споры о структурализме

Деррида определял себя как постструктуралиста и критиковал традиционный структурализм за логоцентризм, за то, что он пытается все объяснить из простых принципов и ставит язык выше речи. В своей работе «Сила и означивание» (1963 [включена в «Письмо и различие»]) Деррида нападал на Фуко и на основателя структурализма Леви-Стросса и пощадил только де Соссюра. Фуко ответил Деррида в своей книге «Слова

⁸ Культурным капиталом называются высокостатусные культурные блага и практики, служащие основанием социальной селекции (см.: Bourdieu 1981; обсуждение вопроса см. также: Lamont and Lareau 1987).

и вещи: археология гуманитарных наук» и во втором издании книги «История безумия в классическую эпоху», где он критиковал интерпретацию Деррида декартовского *когито* (Giovannangeli 1979, pp. 161–171). В результате этих споров Деррида смог сделать свою теоретическую позицию достоянием публики и был признан видным участником споров о структурализме и едва ли не главным критиком структурализма.

Философское поколение, которое определяло облик интеллектуальной Франции до 1980-х годов, возникло в конце 1960-х. Всего за несколько лет вышел целый ряд важнейших книг: «За Маркса» (1965) и «Чтение „Капитала“» (1965) Луи Альтюссера, «Слова и вещи» (1966) и «Археология знания» (1969) М. Фуко, «Сочинения» (1966) Лакана, «О грамматологии» и «Письмо и различие» Деррида и «Различие и повторение» (1968) Делеза. Это философское поколение создало новый тип интеллектуального продукта — эти книги адресовались не академическим специалистам из числа философов или историков, но получали широкое распространение, и слава о них шла благодаря таким культурным изданиям, как *Le Nouvel Observateur*. Эти интеллектуалы очаровали (и частично создали) широчайший круг интеллектуалов, пополнявшийся значительно возросшим тогда числом выпускников отделений социальных и гуманитарных наук (Bourdieu, Boltanski, and Maldidier 1971). Таким образом, Деррида дважды выиграл от того, что был частью своего интеллектуального поколения: он получил доступ к культурным медиа и обрел широкую аудиторию слушателей из числа новых интеллектуалов.

На *рис. 1* мы показываем интеллектуальное и институциональное место Деррида во Франции и США. Мы отметили предшественников, сторонников, оппонентов, пропагандистов и учеников Деррида. Также мы внесли в таблицу специальные журналы, массмедиа, учебные институции и профессиональные объединения, которые и обеспечили институциональную поддержку работе Деррида. Из этой таблицы мы видим, как тесно были связаны интеллектуальная и институциональная поддержка (о позиционировании Деррида в США мы подробнее расскажем в следующем разделе). Одни и те же линии связывают теоретические позиции, интеллектуальное сотрудничество и доступ к институциям, и мы видим, как интеллектуальное сотрудничество при определенных условиях может помочь распространению идей.

Распространение трудов Деррида

Распространение трудов Деррида отличают три тенденции: (1) хотя работы Деррида первоначально предназначались специальной аудитории феноменологов, они привлекли в середине 1960-х годов интерес весьма пестрой публики; (2) вскоре после этого феноменологи окончательно утратили интерес к работам Деррида; (3) популярность работ Деррида во Франции после бума 1972–1973 годов шла на спад, но в США она неуклонно возрастала благодаря усилиям множества литературоведов.

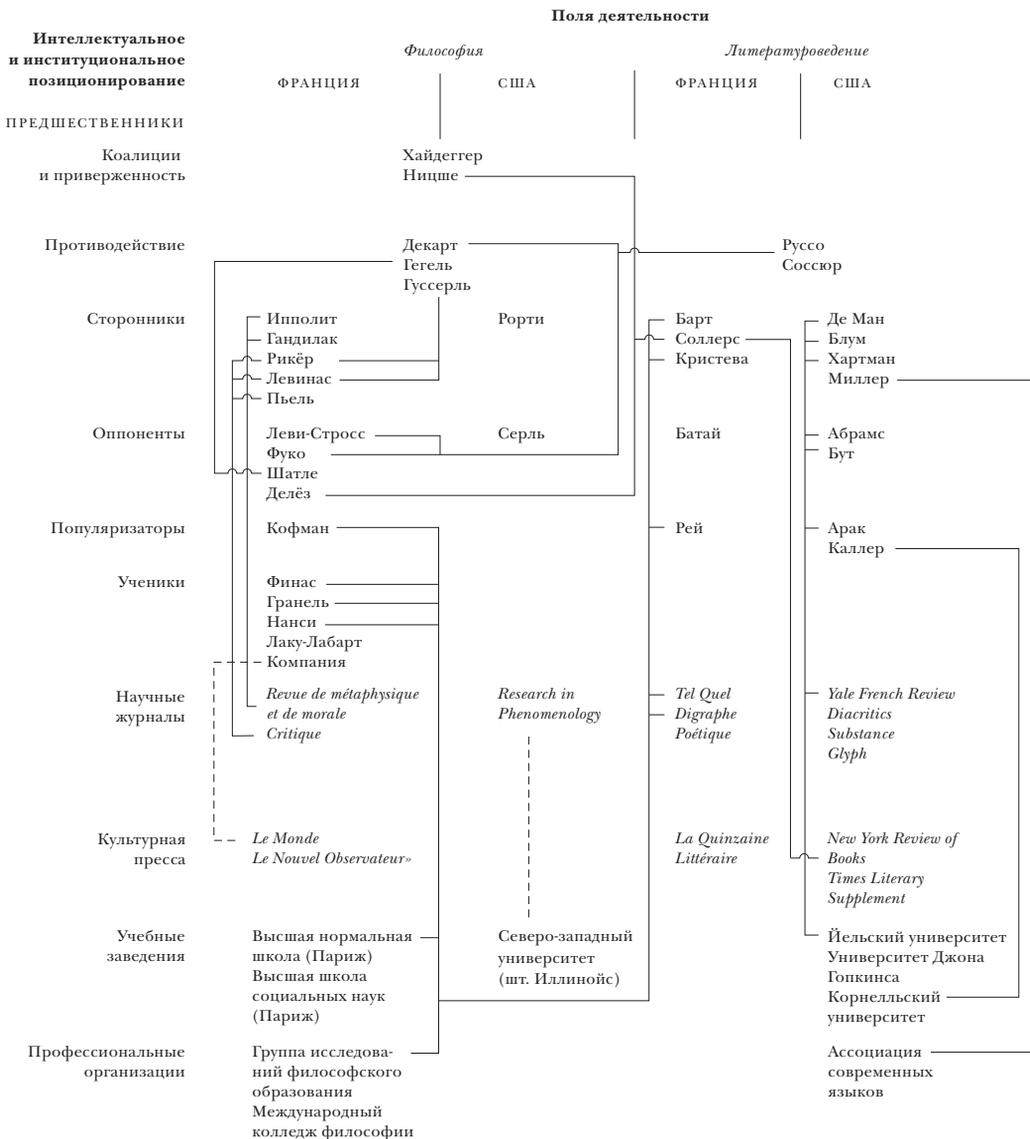

Рис. 1. Интеллектуальная и институциональная позиция Ж. Деррида в философии и литературоведении (Франция и США)

В таблице представлены не все лица и институции, с которыми был связан Деррида, но только те, роль которых была раскрыта в данной статье. Некоторые лица могут быть отнесены одновременно к философии и литературоведению и заняты более одной позиции в таблице. Так, «популяризаторы» творчества Деррида являются его сторонниками, а многие французские философы работают также в области литературоведения.

В *таблице 1* показана история публикации трудов Деррида во Франции, США и других странах. Для каждой страны публикации подразделены на философские журналы, литературоведческие журналы и книги. Первые публикации Деррида вышли во французских философских журналах: ученый начинал свою академическую карьеру по типичной модели, которая состоит в добросовестной интерпретации классического философского наследия в статьях по отдельным вопросам. Первоначально Деррида занимался Гуссерлем и печатался в специализированных философских журналах: *Revue de métaphysique et de morale*, *Les Études philosophiques*, *Cahiers pour l'analyse* (все эти журналы — издания Высшей Нормальной Школы). Опубликовавшись в журналах *Critique* и *Tel Quel*, Деррида заявил о расширении своих теоретических интересов, дающих ему возможность обратиться уже к более широкой аудитории. Деррида занял нишу на стыке философии и литературоведения как раз тогда, когда литературоведы сосредоточились на вопросах интерпретации и значения. Деконструкция заинтересовала и представителей социальных наук, принявших участие в спорах о структурализме. Психоанализ, феминистская критика и история искусства также стали примеривать на себя эту технику интерпретации. Публика Деррида оказалась смешанной, она представляла разные участки работы, и популярность философа росла — так Деррида капитализовал свое культурное окружение и приспособил свой труд к структуре интеллектуального рынка.

Ведущие французские интеллектуалы обращаются сразу к нескольким уровням публики. Например, Фуко взывал одновременно к врачам, психоаналитикам, криминалистам, социологам, историкам и философам (Wuthnow et al. 1984, p.134). Делез и Лиотар смогли заинтересовать психоаналитиков, философов и практических политиков-марксистов, а Рикер адресовал свои работы философам-феноменологам, психоаналитикам и литературоведам. Расширенная аудитория внимала теоретическим проблемам, будоражившим сразу несколько областей науки (показательный пример — анализ норм знания и власти в клинике для умалишенных и в тюрьме у Фуко). Увеличение аудитории усиливает базу легитимации, и поэтому такую стратегию следует назвать вполне успешной и современной, особенно в условиях сокращения числа философов и специалистов.

Изменение аудитории работ Деррида преломилось и в том, какие журналы публиковали его работы. Несмотря на количественный рост публикаций Деррида, число статей, напечатанных им в философских журналах, в 1967 году пошло на убыль, а те несколько статей, которые он напечатал в философских журналах после 1974 года, больше напоминают простую защиту своего институционального места на философском поле (Miller 1981, pp.130–166). Напротив, число статей Деррида в литературоведческих журналах после 1967 года только возрастало и превысило число его философских статей.

Таблица 1. Распределение публикаций Деррида по годам, странам и типам изданий (I – философские журналы, II – литературные журналы, III – книги)

	Франция			США			Другие страны	
	I	II	III	I	II	III	I+II	III
1959	1	–	–	–	–	–	–	–
1960	–	–	–	–	–	–	–	–
1961	–	–	–	–	–	–	–	–
1962	–	–	1	–	–	–	–	–
1963	3	1	–	–	–	–	–	–
1964	5	1	–	–	–	–	–	–
1965	4	1	–	–	–	–	–	–
1966	3	2	–	–	–	–	–	–
1967	5	1	3	–	–	–	–	–
1968	2	3	–	–	–	–	–	1
1969	–	1	–	1	–	–	–	1
1970	1	2	–	1	1	–	–	–
1971	–	4	1	–	–	–	–	3
1972	–	2	3	–	3	–	–	2
1973	3	2	–	–	2	1	1	–
1974	2	1	2	–	2	–	1	1
1975	2	3	2	1	2	–	1	2
1976	4	5	2	–	2	1	–	1
1977	–	2	–	3	2	1	–	–
1978	–	2	3	1	4	2	–	–
1979	–	–	–	–	3	–	–	–
1980	–	–	1	–	3	–	–	–
1981	–	3	–	1	1	1	–	–
1982	–	2	2	–	3	–	–	–
1983	–	1	1	–	1	1	–	–
1984	1	–	1	1	2	1	–	–

Примечание. Сведения по 1979–1984 годам взяты из МБКССЯЛ (International Bibliography of Books and Articles on Modern Languages and Literature 1979–1985), отдел 4 (общее литературоведение), подразделы «литературоведение» и «литературная теория». Данные по 1979–1984 годам не являются исчерпывающими, но они достаточны для производимого анализа.

Таблица 2. Распределение публикаций о Деррида по странам (Франция/США) и типу журнала (I – философский, II – литературный)

	Франция		США	
	I	II	I	II
1963	3	—	—	—
1964	—	—	—	—
1965	—	—	—	—
1966	1	—	—	—
1967	5	2	1	—
1968	5	1	1	2
1969	6	2	1	1
1970	2	4	—	3
1971	1	4	2	1
1972	3	17	—	4
1973	15	13	2	8
1974	5	10	3	7
1975	1	4	1	12
1976	4	—	1	15
1977	2	—	10	10
1978	—	—	8	7
1979	—	—	3	6
1980	—	—	2	22
1981	2	—	—	27
1982	1	—	—	16
1983	1	1	2	26
1984	—	—	3	56

Примечание. Статьи, опубликованные в специальных журналах и литературных журналах, книжные рецензии и обзоры, книги. В сборниках каждая статья засчитывается как отдельная публикация. Если классификация статьи по типу журнала была невозможна, публикация классифицировалась по (1) теме статьи (2) профессиональной деятельности автора, если об этом есть данные. Публикации, которые не подпадают ни под одну из категорий, были исключены из рассмотрения (N = 51, включая 27 публикаций по «другим странам»). К французским публикациям относятся вышедшие во Франции и Бельгии, к американским – в США и Канаде. По периоду 1963–1978 годов нам удалось включить все с соответствующими единицами библиографии Миллера (Miller 1981, pp. 130–166), дополнив ее библиографией Ливи и Аллисона (Leavey and Allison 1977). За период 1979–1984 годы мы брали сведения из МБКСЯЛ (International Bibliography of Books and Articles on Modern Languages and Literature т. 1–2, 4), разделы: литературная теория деконструктивизма, литературоведение – деконструктивизм, постструктурализм, Деррида (категории «персоналии» и «литература XX века»). Данные по 1979–1984 годам не являются исчерпывающими, но они достаточны для производимого анализа.

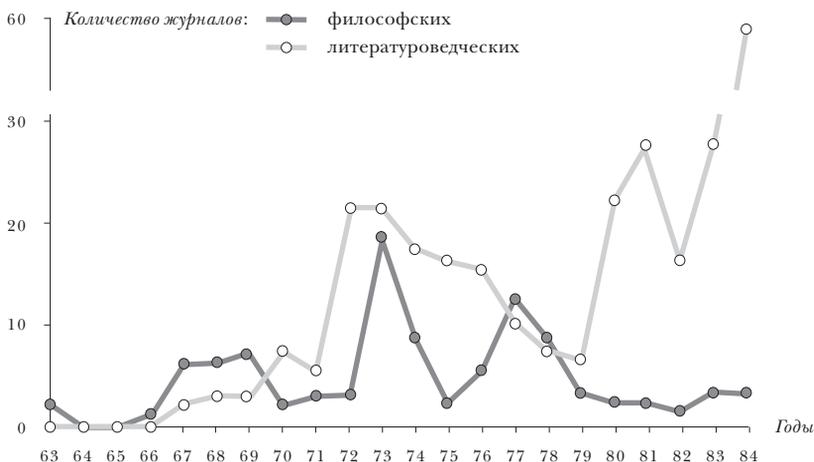

Рис. 2. Публикации работ Деррида по типу журнала (философия / литературоведение) во Франции и США, 1963–1984 годы

В таблице 2 публикации Деррида разбиты по типу журнала (философский / литературоведческий) и стране (Франция / США). Снижение влияния трудов Деррида на французскую философию сказалось и в снижении числа статей о нем во французских журналах после 1974 года. Спад популярности Деррида в философской среде связан прежде всего с его пренебрежением профессиональными академическими нормами: так, он защитил диссертацию только в 1980 году. Конечно, были и другие философы, прежде всего Альтюссер и Фуко, которые уклонились от защиты докторской диссертации по философии. Один из моих корреспондентов, также отказавшийся от защиты докторской диссертации, заметил, что непринятие ученой степени — важная черта французской интеллектуальной этики: могущество картезианского *когито* позволяет выиграть в философской игре без учета условных правил.

Как показывает рис. 2, публикации о Деррида в специализированных философских журналах открываются 1963 годом, и до 1968 года их число опережает публикации в литературоведческих журналах. После бума 1973 года число статей в философских журналах испытывает резкие колебания. Напротив, для литературоведческих журналов 1970-е годы стали временем интенсивного восприятия трудов Деррида. Бум пришелся на 1972–1973 годы, а затем начался медленный спад. Но в любом случае после 1972 года число литературоведческих статей о Деррида превышало число философских статей. В следующем параграфе будет показано, что Деррида не появился бы так вовремя на американском интеллектуальном рынке, если бы не поменялся состав его публики.

На рис. 3 виден временной зазор между французскими и американскими публикациями, что объясняется запозданием переводов самих

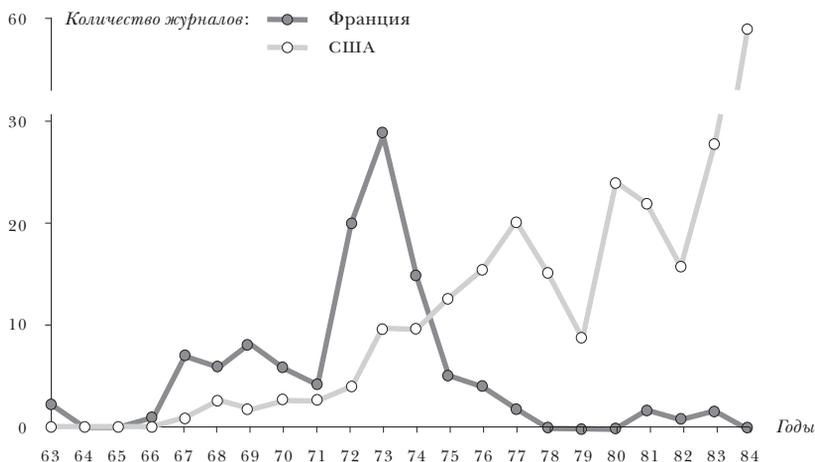

Рис. 3. Публикации работ Деррида по странам (Франция/США) в журналах по философии и литературоведению, 1963–1984 годы.

книг Деррида в США. Бум публикаций во Франции в 1972–1973 годах был связан с одновременным выходом целых трех книг и широким освещением этих новинок в массмедиа. После же поток публикаций стал постепенно иссякать. В США статьи по деконструкции стали массово публиковаться после 1973 года, когда в английском переводе вышла книга «Голос и феномен». Следующий скачок интереса—1977 год: выход перевода книги «О грамматологии» и активная пропаганда деконструкции йельской группой литературоведов.

В других странах (не Франции и не США) труды Деррида не получили широкого распространения. Например, по данным «Международной библиографии книг и статей о современных языках и литературе» (МБКССЯЛ—IBVAMLL) в 1981–1984 годах в Британии вышло только 14 работ по деконструкции, тогда как в США—103⁹. Согласно Миллеру (Miller 1981), между 1962 и 1978 годами в Британии было опубликовано только 11 книг и статей, в которых рассматривается философское творчество Деррида, тогда как Барту было посвящено 87 работ, а Фуко—52¹⁰. В «других

⁹ Включены книги и статьи по следующим ключевым понятиям: деконструкция в литературоведении, деконструкция—теория литературы, постструктурализм—теория литературы. По последней категории мы засчитывали только те публикации, в заглавии которых есть слова «деконструкция» или «Деррида». К американским публикациям мы относили публикации США и Канады, а к французским—Франции и Бельгии.

¹⁰ Хотя Барт и отсутствует в моем списке философов (Барта следует называть скорее литературоведом, чем философом), распространение трудов Деррида следует сопоставлять прежде всего с распространением трудов Барта и Фуко. О близости полученных численных характеристик см.: Miller 1981.

странах» за это же время вышло: 31 книга или статья о Деррида, 58—о Барте и 98—о Фуко. Такой разрыв в показателях можно частично объяснить скрытым нигилизмом философского подхода Деррида— об этом говорит слабое распространение его идей в тех странах, в которых существует левое интеллектуальное движение. В этих странах популярен Фуко: за период 1962–1978 годы о Фуко было 32 работы в Италии и 35—в Испании и Латинской Америке, в отличие от, соответственно, 10 и 8 о Деррида.

В 1981 году журнал *Lire*, один из крупнейших культурных журналов Франции, опросил 600 отечественных интеллектуалов, попросив назвать трех самых влиятельных живых французских интеллектуалов. Среди опрашиваемых были ученые, преподаватели, писатели, деятели искусства, издатели, политики и журналисты. В списке из 36 лидирующих интеллектуалов Мишель Фуко оказался на третьем месте после Клода Леви-Стросса и Раймона Арона. Если говорить о философах, то девятое место занял «новый философ» Бернар-Анри Леви, четырнадцатое—Рене Жирар, двадцатое—Мишель Серр, двадцать четвертое—Филипп Соллерс и двадцать шестое—Луи Альтюссер. Имя Деррида вообще отсутствовало в этом списке. Это еще раз подтверждает резкое падение влияния Деррида после 1973 года, как это показывает рис. 3. Частично такой провал объясняется отрешенностью Деррида от активной политической жизни. В отличие от Фуко, Деррида не высказывал никакого отношения к политическим событиям, будоражившим французскую интеллигенцию после 1975 года (например, появление оппозиции в Польше, гей-движение, борьба за ядерное разоружение). Фуко активно поддерживал все эти движения и поэтому не сходил со страниц культурных журналов, особенно *Le Nouvel Observateur*¹¹.

Итак, особенности распространения трудов Деррида подтверждают гипотезу, что (1) легитимация теории зависит от того, соотносится ли работа со структурой господствующей культуры, и что (2) культурные рынки не монолитны, но, напротив, сегментированы деятелями, признание которых само сегментирует культурный рынок. Например, труды Деррида не могли получить широкого распространения в тех странах, где интеллектуальную жизнь определяла левая интеллигенция. Во Франции легитимация трудов Деррида была облегчена тем, что, как мы говорили, он обращал свои работы не только к философам, но к слушателю разного уровня, тем самым капитализуя структуру парижского интеллектуального рынка.

Когда Деррида стал обращаться к более широкой публике, он был вынужден перестроить свою манеру изложения, которая все меньше

¹¹ Культурные медиа (те, в которых информации о культурной жизни отводится значительное место) опубликовали между 1966 и 1978 годами 95 статей о Фуко и его идеях, 34—о Деррида, 61—о Барте. В список культурных медиа принято включать: *Le Nouvel Observateur*, *Le Monde* (включая приложения *Hebdo* и *Le Monde des Livres*), *La Quinzaine Littéraire*, *L'Express*, *Figaro Littéraire*. Данные по прессе см.: Miller 1981.

теперь подходила для академической философской аудитории. В его работах уже не было следования традиционным нормам этой дисциплины: «Я пошел по другим направлениям: природа и различность тел, лабиринтная география маршрутов вывела меня в относительно неакадемические области... Это все убедило меня, что, конечно, невозможно более притворяться в своем письме, что оно соответствует академическим требованиям...» (Derrida 1983, p. 42). Стиль Деррида, его необычный подход к предмету, отказ от всей логоцентрической традиции и склонность к популяризации также способствовали скорому закату его влияния во французских философских журналах. А параметры интеллектуального рынка (рост и упадок дисциплин, расширение интеллектуальной публики...) и определяют возможное распространение и легитимацию любой работы.

В этом разделе я сосредоточусь на институционализации трудов Деррида в аудитории и среди коллег. Я постараюсь доказать, что легитимация культурного продукта зависит от институциональной поддержки и что доступ к этой поддержке зависит от «культурного сотрудничества», то есть от наличия культурных и институциональных систем с высоким уровнем взаимосвязей (ср. *рис. 1*). Общее признание какой-то работы необходимо не только для интеграции теории в культурную среду, но и для ее действенного распространения. Чтобы понять процессы легитимации, необходимо определить каналы распространения культурных продуктов. Эти продукты распространяются не на монолитных рынках, но среди тех деятелей, признание которых само сегментирует культурный рынок. Социологи науки поддержали выдвинутую в следующем параграфе гипотезу, как позволяющую лучше понять распространение равно эмпирических и неэмпирических теорий (Whitley 1984; Isambert 1985).

3. «Американские связи»

Легитимация трудов Деррида в Америке была сходна с легитимацией во Франции. Сработали те же механизмы: (1) признание важности работ Деррида коллегами и публикой и (2) уместность работ Деррида в американской интеллектуальной и институциональной ситуации (иначе говоря, их эффективность в уже существующих интеллектуальных условиях и пропаганда их престижными университетами и журналами). Я настаиваю на том, что второй фактор — ключевой, если речь идет о распространении трудов среди весьма «дифференцированной» интеллектуальной публики, какой и является публика и во Франции, и в США.

Прежде всего, следует описать условия, при которых структурализм получил легитимацию в США, учитывая то, что именно он расчистил площадку для деконструкции и что те же самые факторы, которые способствовали распространению структурализма, способствова-

ли потом и распространению деконструкции. Затем следует раскрыть условия легитимации деконструкции в американском литературоведении. И наконец, нужно показать, что распространение деконструкции было в США ограничено преобладающими нормами интеллектуального изложения. Ниже будет показано, что распространение структурализма в США было неизбежно в силу структурных тенденций в самом американском литературоведении, таких как постоянный импорт трудов французских интеллектуалов, дисциплинарный кризис и гегемония теоретиков в филологии.

Структурализм в Америке

Легитимация работ Деррида потребовала благоприятных условий, и эти условия не заставили себя ждать. Одной из самых влиятельных теорий в американском литературоведении с 1940-х годов до конца 1950-х была Новая критика. В 1957 году вышла «Анатомия литературоведения» (*Anatomy of Criticism*) Нортропа Фрая, в которой жестко отвергался принятый в Новой критике культ текста. Наравне с предшествующими выступлениями литературоведов (см.: Sutton 1963, pp. 219–267), книга Фрая ознаменовала глубокий кризис в американском литературоведении. Старая парадигма была отброшена, и новым парадигмам назначалось снискать одобрение ученых, чтобы поскорее заполнить образовавшийся провал. Отсюда и успех французского структурализма — он заполнил дыру, возникшую после крушения новой критики. Французский структурализм подготовил, сам того не ожидая, будущее наступление деконструкции.

Международная конференция «Языки литературоведения и науки о человеке» прошла в Университете Джона Гопкинса в 1966 году (Masksey and Donato 1970). На эту конференцию были приглашены многие французские интеллектуалы, связанные со структурализмом; прибыли такие крупные фигуры, как Ролан Барт, Жак Деррида, Серж Дубровски, Люсьен Гольдман, Жак Лакан и Цветан Тодоров. Это было первое знакомство американской общественности со структурализмом, которому по итогам конференции был посвящен специальный выпуск журнала *Yale French Studies*. Но признан структурализм в Америке был только в начале 1970-х, когда вышло несколько книг, доступным образом объяснявших основы структурализма, например: «Тюрьма языка» Джеймсона, «От символизма к структурализму» Буна и «Структурализм в литературе» Шоулза (Ruegg 1979). Дальнейшему распространению структурализма в США способствовали новые веяния в науке, а распространение деконструкции обязано уже вполне конкретным обстоятельствам. Во-первых, кафедры сравнительного литературоведения не имели за собой долгой интеллектуальной традиции и находились в поиске парадигмы. Французские специалисты пользовались на этих кафедрах заслуженным почетом и уважением, поэтому и их опыты в обла-

сти деконструкции встречались с одобрением. Во-вторых, структурализм «раскрыл неотразимые соблазны стиля, он стал интеллектуальной модой, он был чувственным, необычным, остроумным и с ноткой экзотики» (Ruegg 1979, p. 189). Многие ученые стали надеяться, что структурализм поможет обновить традиционно строгое и дотошное американское литературоведение. В-третьих, некоторые американские исследователи вовремя почувствовали, что, присоединившись к структурализму, они создадут собственную институциональную и интеллектуальную позицию, и поэтому им выгоднее импортировать структурализм. Они стали собирать бесчисленные коллоквиумы; структурализм создал целое поколение, которое заняло свою нишу и стало вытеснять старых ученых введением новых теоретических стандартов. В-четвертых, как и Новая критика, структурализм назвал себя *теоретическим* подходом к литературе, то есть подходящим к самым разным жанрам и видам литературной продукции. Структурализм стал мощной основой интеллектуального сотрудничества различных литературоведческих кафедр в университете и позволил преодолеть непонимание между специалистами по разным периодам и разным национальным литературам.

Распространение деконструкции

Деррида появился на американской интеллектуальной сцене почти одновременно со структурализмом. На конференции в Университете Джона Гопкинса Деррида выступил с едкой критикой Леви-Стросса. Прежнее французское литературоведение и структурализм уступили свой престиж деконструкции, которая теперь выглядела как прыжок выше головы и воспринималась как самая модная из новых теорий.

Распространение трудов Деррида в США облегчил целый комплекс взаимосвязанных факторов, некоторые из которых связаны с возможностью интегрировать идеи Деррида в уже сложившиеся интеллектуальные поиски и распространить их через престижные институции. Еще больше этому способствовало наличие знаменитых «американских связей» (american connection), то есть постоянного общения и взаимодействия элиты университетов, центров американского литературоведения, прежде всего Йельского, Корнельского и Джона Хопкинса. Утвердившись в престижных институциях, труды Деррида стали читаться и в менее известных учреждениях (например, Ирвинском университете в Калифорнии, Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, Университете штата Нью-Йорк — Бингемтон [Arag, Godzich, and Martin 1983, p. xiii]), что и обеспечило легитимацию идей Деррида на периферии. Этот момент очень важен, если учитывать широту американской академической структуры и отсутствие в ней единого центра.

Распространению идей Деррида способствовали журналы, регулярно публиковавшие статьи по деконструкции: *Diacritics*, *Substance*, *Glyph* и *Georgia Review*. Эти журналы сыграли для признания деконст-

рукции ту же роль, что сыграли для признания Новой критики *Kenyon Review* и *Sewanee*. Журналы создали американскую аудиторию Деррида и заставили воспринимать деконструкцию как легитимную теорию. Не меньше способствовали легитимации деконструкции книги и статьи, соотносившие ее с марксизмом, феминизмом, психоанализом и т.д.¹² Дж. Хиллис Миллер, главный американский «дерридианец», был избран в 1986 году президентом МЛА (Modern Language Association) (Campbell 1986). Признание новейшего французского литературоведения консервативной ассоциацией профессионалов ознаменовало окончательную легитимацию трудов Деррида. После этого деконструкция стала вводиться не только на теоретических кафедрах, но и на кафедрах языка и литературы (английской, немецкой, итальянской), и аудитория деконструкции расширилась до небывалых пределов.

Распространение идей Деррида в США вызвало живой интерес нового поколения ученых, которые ссылались на работы Деррида, представляя их американской аудитории как новое слово в науке. Поль де Ман и Джозеф Хиллис Миллер общались с Деррида на конференции в Университете Джона Хопкинса и после стали энергичными пропагандистами работ Деррида, вместе с Хэрольдом Блумом и Джофффри Хартмэном. Эти исследователи включили деконструкцию в свой интеллектуальный инструментарий и стали пересказывать труды Деррида в терминах, доступных и одновременно привлекательных для широкой американской аудитории. Например, «Структуральная поэтика» Каллера (1975) связала деконструкцию Деррида с грамматикой Хомского: в этой книге доказывалось, что Деррида оставил позади не только Соссюра, но и Леви-Стросса и Барта. Де Ман обогатил Новую критику некоторыми аспектами деконструкции (Gasché 1979), а другие исследователи представляли деконструкцию как технику чтения, сопоставимую с техникой «близкого чтения» Новой критики (Atkins and Johnson 1985). Изысканный культурный продукт из Парижа подтвердил и даже усилил дисциплинарную позицию йельских филологов, влияние которых традиционно зависело от умения подтверждать свой высокий статус нужными культурными отсылками.

Все участники Йельского кружка к 1975 году имели уже сложившуюся репутацию, но при этом они не воспринимались как единая группа. Теоретическое участие Деррида привлекло интерес к ним ко всем и заставило смотреть на них как на объединение единомышленников, которые скоро будут лидировать в своей дисциплине. Сами эти ученые определили себя как группу, подготовив ряд совместных публикаций (например: *Deconstruction and Criticism* [Bloom et al. 1979]) и сделав методологию литературоведения основным предметом обсуждения на кон-

¹² По данным Миллера (Miller 1981), между 1968 и 1972 годами было опубликовано 12 статей, в которых Деррида сопоставлялся с кем-нибудь: Данте, Пиранделло, Расселом, Витгенштейном и т.д.

ференциях и профессиональных встречах. Вскоре они присвоили себе бренд «Йельские критики» или «Йельская литературоведческая школа» (Arac et al. 1983; Campbell 1986; Davis and Schleifer 1985), и к концу семидесятых годов они уже пользовались признанием на языковых отделениях большинства университетов. Как показывают тексты, присланные в журнал *Publications of the Modern Language Association* в 1979 году, они входили в число самых цитируемых авторов: десять раз цитировался Деррида, семь — Барт, шесть — Дж. Хиллис Миллер, пять — Поль де Ман и четыре раза — Хэрольд Блум и Джоффри Хэртман (Conagoe 1980, p. 3).

Именно йельским литературоведам Деррида обязан тем, что его труды оказались в центре многочисленных дискуссий. Как убедительно заметил Лентриччя: «Деррида и его последователи смогли организовать настоящий спор, ополчив против себя всех своих противников, которые до этого каждый занимался своим делом, не обращая особого внимания на то, что происходит вокруг. Традиционные историки литературы, чикагские неоаристотелики, литературоведы-американисты, стенфордские моралисты, критики мифа в духе Фрая, старомодные фрейдисты, критики сознания... подающие надежды структуралисты и научные внуки Новой критики... все они объединились против общего врага. Вместо множества направлений теперь было только два: Деррида и традиционализм, и казалось, что эти партии так и должны были существовать, в силу порядка вещей» (Lentricchia 1980, p. 159). Самую большую оппозицию вызвала атака Деррида на основополагающие принципы гуманитарной традиции и искусства интерпретации. Агрессивность этой атаки весьма способствовала институционализации деконструкции: с Деррида теперь приходилось считаться, независимо от отношения к нему (Arac et al. 1983, p. xiii; Martin 1983).

Влияние йельского литературоведения на распространение деконструкции невозможно переоценить. Статус Деррида в США зависит прежде всего от той стройной и слаженной академической поддержки, которую оказывают ему на отделениях литературы. Ни один другой французский интеллигент не заслужил стольких академических сторонников, как Деррида: например, между 1978 и 1984 годами в США в год публиковалось в среднем 26 работ о Деррида, тогда как даже о Фуко в среднем только 14¹³. Но другие отделения, не отделения литературы, оказались мало чем полезны для Деррида. Об этом говорит количество ссылок: в период с 1981 по 1984 год, по данным Индекса цитирования по социальным наукам (*Social Science Citation Index*), на работы Фуко было в сред-

¹³ Рассматривались единицы с ключевыми словами «Деррида» и «Фуко» в категориях «персоналии» и «французская литература—XX век» в МБКСЯЛ. Разрыв между степенью распространения влияния Деррида и влияния Фуко в реальности еще больше, так как мы не учитывали некоторые категории, которые подразумевают отсылку к трудам Деррида, например «деконструктивизм—подход», «деконструктивизм—литературоведение», «теория деконструктивизма».

нем 280 ссылок в год, а на Деррида — только 59. Фуко, во-первых, пользовался безусловной поддержкой марксистов, которые в США присутствуют во всех гуманитарных дисциплинах, а во-вторых, был наравне с Сартром, Леви-Строссом и Бартом и в отличие от Деррида частым героем культурных журналов, таких как *Commentary*, *New Republic*, *New Yorker* и *New York Review of Books*¹⁴. Это позволяет предположить, что Деррида попал на американский рынок иным путем, чем на французский. В Америке всегда были важны профессиональные институты: престижные кафедры, журналы и ассоциации. Во Франции гораздо существеннее доступ к широкой интеллектуальной публике через культурные медиа. Различие в структуре рынков обусловило то, что интеллектуалы во Франции оказывают большее влияние на высший средний класс, чем в США, — они используют ресурсы культурных журналов, превращая интеллектуальную культуру в важнейшую форму культурного капитала. В США культура высшего среднего класса вовсе не требует участия в интеллектуальной жизни. Культурный капитал в этой среде скорее *художественный*, чем *когнитивный*, он находит выражение в других формах высокой культуры и поведения: демонстративное потребление (*conspicuous consumption*), уверенность в себе (*self-reliance*), индивидуализм, активное решение проблем, предприимчивость и стремление к лидерству (см., например, анализ американского среднего класса: Bellah et al. 1985; Varennes 1977; см. также: Lamont and Lareau 1987). Успешная реализация Фуко в американских культурных журналах — это исключение, возможно, предвещающее перелом в отношениях между культурой специальных фракций американского высшего среднего класса и интеллектуальной культурой.

Американские философы не обращали внимания на труды Деррида до середины 1970-х годов, за единственным исключением нескольких феноменологов из Университета Северо-Запада (*Northwestern University*), для которых сочинения Деррида заключали в себе соблазн по-новому сформулировать герменевтические вопросы. Широкие круги американских философов узнали Деррида только после его дискуссии с Серлем в *New York Review of Books* (1983) и частично благодаря книге Ричарда Рорти «Философия и зеркало природы» (1979). Рецепция идей Деррида была ограничена тем, что в англо-американской философской традиции центральное место занимает философия языка, а феноменология всегда остается на обочине интереса. Превознесение языка в аналитической философии диаметрально противоположно деконструкции, которая начинается с атаки на логоцентризм. Интеллектуальные опера-

¹⁴ Между 1960 и 1979 годами культурные медиа в Британии и Америки сообщали о Деррида всего шесть раз, в сравнении с 43 упоминаниями Барта и 44 — Фуко. К этой прессе относятся: *New York Times*, *Guardian* (включая *Guardian Weekly*), *Newsweek*, *Times Literary Supplement*, *New York Review of Books*, *Christian Science Monitor*, *Times* (воскресный выпуск) и *Economist*. Эти данные см.: Miller 1981.

ции и стиль изложения, принятые у деконструктивистов, полностью противоречат этосу аналитической философии, в которой ценятся точность, ясность и детально продуманная аргументация. В результате Деррида только частично признан и в американской, и в британской философии, а распространение его идей сдерживается также давней влиятельностью марксизма. Это еще раз доказывает, что культурная ситуация определяет и ограничивает оценку и, что еще важнее, рецепцию философского труда.

Распространение идей Деррида в США шло в русле тенденций самого американского литературоведения. Прежде всего, как мы уже говорили выше, труды Деррида были импортированы в США вместе с трудами других французских ученых (Ролан Барт, Жиль Делез, Маргерит Дюрас, Мишель Фуко, Рене Жирар, Люс Иригарай, Юлия Кристева, Жак Лакан), и такое сочетание пошло на пользу идеям Деррида. Французские философы были представлены как единое явление мысли (см., например, такие работы, как «Современная французская философия» Декомба, «Французский философский модернизм» Дьюза и «Структурная аллегория: встречи реконструкции с новой французской мыслью» Фекете), несмотря на то что сходство между некоторыми из них было очень слабым, а позиции по некоторым вопросам оказывались противоположными. С опорой на труды этих интеллектуалов возникло некоторое число новых групп литературоведов, которые боролись за публику и за рынок и потому прежде всего сопрягали изученные ими подходы. Феминистская критика, герменевтика, постмодернистская теория, психоаналитическое литературоведение, постструктурализм, семиотика, марксизм, структурализм и деконструкция образовали интеллектуальную субкультуру не только на литературоведческих кафедрах, но и в других науках интерпретации, прежде всего теории коммуникации и антропологии. Как прежде труды Барта, Фуко, Леви-Стросса и Сартра, так и теперь труды Деррида помогали гуманитариям перейти от описательности к более жестким теоретическим выводам. Новые американские исследователи, почитая французских интеллектуалов как отцов интерпретации, помогли легитимировать различные традиции и стандарты «оценивания» научных достижений.

Затем распространению деконструкции способствовало то, что в США на отделениях языка литературоведение стало доминировать уже в 1950-е годы, и на его господство ко времени приезда Деррида в США уже никто не смел покушаться (Alter 1984; Graff and Gibbons 1985). Литературоведение по самой своей природе тяготеет к теории, поскольку оно, в отличие от, скажем, фонетики, может иметь большую аудиторию. Наконец, деконструкция стала ответом на дисциплинарный кризис. Легитимация филологических факультетов подрывалась постоянным прессингом, требовавшим направить академическую активность на решение социальных вопросов. Поэтому факультеты были вынуждены вновь заявлять о своих «отличительных признаках», которые

и делали их престижными, — о высокой исследовательской культуре, о том исключительном интеллектуализме, который не поддается прямому инструментальному применению. Лейбл Деррида позволил воссоздать этот элитарный интеллектуализм — не случайно рецепция Деррида состоялась прежде всего в тех институциях, которые гордились своей возвышенной элитарностью, например в Йеле. Также, наравне с Фуко и Хабермасом, Деррида снабдил американских гуманитариев критическими доводами против сциентизма, после которых можно было заняться рекламой трансцендентного интеллектуального созерцания.

Заключение

Итак, мы сделали важный шаг для понимания структурных оснований интеллектуальной легитимации теорий интерпретации. Я попытался показать, что легитимация теории зависит и от определения ее важности самим ее создателем, и от институционализации ее важности коллегами и вообще интеллектуальной публикой, а также от вписанности ее в структуру институциональной и культурной систем. Легитимация теорий обязана больше сложным взаимодействиям в интеллектуальной среде, чем своим внутренним свойствам. Поэтому теории не следует рассматривать изолированно, даже если их создатели и потребители видят в этих теориях «собственную логику» и «особый культурный контекст».

В первой части я предположил, что легитимация трудов Деррида во Франции произошла благодаря тому, что они (1) отвечали определенным культурным ожиданиям (об этом говорит узнаваемый стиль письма, устойчивый теоретический бренд, сосредоточенность на вопросах, значимых для среды французских интеллектуалов конца 1960-х годов), (2) нравились читателям своей двусмысленностью, легкостью пересказа и неповторимыми потребительскими свойствами. Работы Деррида вписывались в магистральную интеллектуальную традицию и формировали харизматический образ интеллектуала. Я попытался доказать, что и сам Деррида описывал себя как философа, отвечающего на фундаментальные вопросы, решающего важные проблемы и преодолевающего философскую классику, — и это тоже способствовало быстрой институционализации его работ. Также я предположил, что труды Деррида вписываются в культуру высшего среднего класса, выдержаны так, как требовал политический климат во Франции 1960-х годов, и пытаются дать ответ на институциональный кризис философии. Популярность Деррида, завоеванная этими средствами, обеспечила распространение теории деконструкции.

Во второй части статьи я утверждаю, что институциональная траектория Деррида отвечает институциональным требованиям французского интеллектуального сообщества, о чем говорят траектории других интеллектуалов. Выполнение институциональных требований и участие в дебатах о структурализме способствовали распространению его

работ и восприятию их как важнейшего вклада в гуманитарную науку. Публикации Деррида в журнале *Tel Quel* и активное участие в дебатах о структурализме показывают, что теоретическое соглашение — условие интеллектуального сотрудничества, распространения идей, а значит, и дальнейшей институциональной поддержки в рамках возможностей культурных систем. Культурный капитал дает доступ к институциям, а отсылки, обладающие высоким культурным статусом, составляют основу легитимации в науке интерпретации. Наконец, в этой части статьи доказывается, что распространению трудов Деррида способствовало его умение капитализовать структуру рынка, адресуя свои работы к уже сложившимся (конституированным) рынкам, а не к узкоспециальной философской публике.

В третьей части статьи я продолжаю обсуждать те же вопросы и прихожу к выводу, что легитимация трудов Деррида в США проистекала из их приспособленности к институциональным и культурным условиям, сложившимся в США на тот момент, а именно пригодности для интеллектуального обсуждения и распространению их престижными учеными и журналами. Умение Деррида критиковать структурализм убедительно для широкой французской публики очень заинтересовало американских литературоведов и сослужило ему большую службу на втором завоеванном им культурном рынке. Теории, чтобы их считали важными, должны прежде всего найти себе аудиторию приверженцев: это подтверждает то, что успех работ Деррида в американской философии был гораздо меньшим, чем в литературоведении. Как и при распространении работ Деррида во Франции, были важны структурные характеристики местного рынка, прежде всего дисциплинарный кризис литературоведения в США и одновременный импорт трудов Деррида и других французских интеллектуалов в середине 1970-х годов.

Но легитимация трудов Деррида во Франции и в США проходила по-разному, потому что эти рынки сегментированы различно: в США на легитимацию влияют в первую очередь профессиональные журналы и институции, а позиция культурных журналов никогда не бывает определяющей, а во Франции публика внимает культурным журналам, и легитимация теорий связана с контролем доступа идей на рынок со стороны этих журналов, тогда как профессиональные журналы обслуживают только отдельные сегменты рынка. Но между той и другой легитимацией немало общих черт, и мы можем отметить, какие условия являются необходимыми для легитимации: это институциональная поддержка и интеллектуальное сотрудничество, а также уместность идей в интеллектуальном и культурном контексте.

Для того чтобы понять уникальность легитимации трудов Деррида и отличие от других случаев, необходимы дальнейшие исследования. Мы можем отметить сейчас только отдельные черты сходства и различия этих опытов. С одной стороны, случай Деррида исключителен по силе и интенсивности институциональной поддержки в США в рам-

ках одной дисциплины, особенно с учетом слабой поддержки в других дисциплинах. Доказательство этому — степень признания в США трудов Барта и Фуко. Также, в отличие от аудитории Фуко, французская и американская аудитории Деррида гораздо более дифференцированы.

Но, с другой стороны, успех Деррида напоминает успех других французских философов, посвятивших себя интерпретации. Они все создают изощренный культурный продукт, который может способствовать легитимации теоретически ориентированных ученых-гуманитариев в США, а во Франции стать предметом статусного потребления высшего среднего класса. Французские интеллектуалы создают вдохновенный и часто харизматический образ интеллектуальной жизни (например: Culler 1983). Наконец, они всегда имеют доступ к культурным журналам, участвуют в публичных дебатах и размещают свои работы сразу на нескольких уже сложившихся рынках.

Сходства и различия между легитимацией трудов Деррида и других французских интеллектуалов во Франции и в США позволяют определить направления дальнейших, более систематических исследований процессов интеллектуальной легитимации теорий интерпретации. Результаты этих исследований позволят развести *необходимые и периферийные* условия интеллектуальной легитимации. Социологам предстоит исследовать случаи, когда небольшие институциональные ресурсы, которыми располагают науки об интерпретации, позволяют контролировать нормы и степень стабильности и структурированности процесса легитимации теорий интерпретации. Полезно будет также сравнить самые влиятельные формы культурного капитала, облегчающие доступ к культурным ресурсам, в науках об интерпретации и в эмпирических науках.

Перевод с английского Александра Маркова

Приложение

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Библиографии:

Catalogue des publications périodiques universitaires de langue française (1969–1977).

French XX Bibliography (1968–1977).

Index Translation (1968–1975).

Répertoire bibliographique de la philosophie (1971–1975).

Исследовательские и учебные институты:

Centre national de la recherche scientifique. *Annuaire des sciences de l'homme* (1979).

Centre national de la recherche scientifique. *Rapport national de conjuncture* (1963–1964).

Direction générale de la recherche scientifique et technique. *Répertoire national des laboratoires* (t. 3, 1974).

Ministère de l'éducation nationale. *Annuaire de l'éducation nationale* (1970).

Ministère de l'éducation nationale. *Rapport de l'agrégation philosophie* (1958–1978).

Ministère de l'éducation nationale. *Rapport du C. A. P. E. S. philosophie* (1958–1978).

Институциональные и интеллектуальные траектории философов:

Association amicale des anciens élèves de l'École normale supérieure. *Annuaire* (1979).

Cercle de la librairie. *Guide des prix littéraires* (1965–1971).

Current Biography (1979).

Fondation nationale de science politique. *Annuaire des anciens de science politique* (1979).

Literary and Library Prizes (1972–1978).

Who's Who in France (1979).

Журналы:

Critique (1963–1979).

Esprit (1960–1980).

Nouvelle Revue française (1963, 1973, 1977).

La Pensée (1974, 1979).

Tel Quel (1972–1975).

Les Temps modernes (nos. 20, 27, 32, 64).

Общая информация:

École normale supérieure, личные дела. Archives nationale de France.

Ministère de l'éducation nationale. Каталог докторских диссертаций (1950, 1959, 1961, 1962, 1967–1970).

Université de Nanterre. Национальный фонд диссертаций.

Presses universitaires de France и Editions du Seuil. Дела по публикациям.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Adatto, Kiku, and Stephen Cole. 1981. The Functions of Classical Theory in Contemporary Sociological Research: The Case of Max Weber. *Knowledge and Society* 3: 137–162.

Agacinski, Sylviane, et al. 1975. *Mimésis des articulations*. Paris: Aubier-Flammarion.

Alter, Robert. 1984. The Decline and Fall of Literary Criticism. *Commentary* 77 (3): 50–56.

Althusser, Louis. (1965) 1969. *For Marx*. London: Lane.

Althusser, Louis, and Etienne Balibar. (1965) 1967. *Reading Capital*. London: New Left.

Amsterdamska, Olga. 1985. Institutions and Schools of Thought: The Neogrammarians. *American Journal of Sociology* 91 (2): 332–358.

Arac, Jonathan, Wlad Godzich, and Wallace Martin, eds. 1983. *The Yale Critics: Deconstruction in America*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Atkins, G. Douglas, and Michael L. Johnson. 1985. Writing and Reading Differently: Deconstruction and the Teaching of Composition and Literature. Lawrence: University Press of Kansas.

Axelrod, Charles D. 1979. *Studies in Intellectual Breakthroughs: Freud, Simmel, Buber*. Amherst: University of Massachusetts Press.

Bellah, Robert, Richard Madsen, William W. Sullivan, et al. 1985. *Habits of the Heart*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Bloom, Harold, Paul de Man, Jacques Derrida, et al. 1979. *Deconstruction and Criticism*. New York: Seabury.

Boltanski, Luc. 1975. Note sur les Cchanges philosophiques internationaux. *Actes de la recherche en sciences sociales*. Echanges 5–6: 191–199.

Boon, James A. 1972. From Symbolism to Structuralism: Lévi-Strauss in Literary Tradition. Oxford: Blackwell.

- Bourdieu, Pierre. 1969. Intellectual Field and Creative Project. *Social Science Information* 8 (2): 89–119.
- . 1971. Champ du pouvoir, champ intellectuel et habitus de classe. *Scoties* 1: 7–26.
- . 1975. L'ontologie politique de Martin Heidegger. *Actes de la recherche en sciences sociales* 5–6: 109–156.
- . 1981. Les trois Etats du capital culturel. *Actes de la recherche en sciences sociales* 30: 3–6.
- . 1983. The Field of Cultural Production, or: The Economic World Reversed. *Poetics* 12: 311–356.
- . 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- . 1986. The Production of Belief: Contribution to an Economy of Symbolic Goods. PP. 164–193 in *Media, Culture and Society: A Critical Reader*, edited by Richard Collins et al. Beverly Hills, Calif.: Sage.
- Bourdieu, Pierre, Luc Boltanski, and Pascal Maldidier. 1971. La Défense du corps. *Social Science Information* 10 (4): 45–86.
- Bouveresse, Jacques. 1983. Why I Am So Very UnFrench. PP. 9–34 in *Philosophy in France Today*, edited by Alan Montefiore. Cambridge: Cambridge University Press.
- Campbell, Dolin. 1986. The Tyranny of the Yale Critics. *New York Times Magazine*. February 9.
- Cardoso, Fernando Henrique. 1977. The Consumption of Dependency Theory in the U. S. *Latin American Research Review* 3 (7): 7–24.
- Caws, Mary. 1973. *Tel Quel: Text and Revolution*. *Diacritics* 3: 2–8.
- Charles, Christophe. 1983. Le Champ universitaire parisien à la fin du 19 siècle. *Actes de la recherche en sciences sociales* 47–48: 77–89.
- Chartier, Roger. 1982. Intellectual History or Sociocultural History? The French Trajectories. PP. 13–46 in *Modern European History: Reappraisals and New Perspectives*, edited by Dominick LaCapra and Steven L. Kaplan. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- Clark, Priscilla P., and Terry N. Clark. 1982. The Structuralist Sources of French Structuralism. PP. 22–46 in *Structuralist Sociology*, edited by Ino Rossi. New York: Columbia University Press.
- Collège international de philosophie. 1982. Rapport présenté à Monsieur Jean-Pierre Chevènement, Ministre d'État, Ministère de la Recherche et de l'Industrie par François Chatelet, Jacques Derrida, Jean-Pierre Faye et Dominique Lecourt. Paris.
- Conarroe, Joel. 1980. Editor's Column. *Publications of the Modern Language Association of America* 95 (1): 3–4.
- Culler, Jonathan. 1975. *Structuralist Poetics*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- . 1983. *Roland Barthes*. New York: Oxford University Press.
- Davis, Robert Con, and Ronald Schleifer. 1985. *Rhetoric and Form: Deconstruction at Yale*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Debray, Régis. 1979. *Teachers, Writers, Celebrities: The Intellectuals of Modern France*. London: New Left.
- Deleuze, Gilles. 1968. *Différence et répétition*. Paris: Presses universitaires de France.
- Derrida, Jacques. 1963. Force et signification. *Critique* 15: 483–499.
- . 1972. *Marges de la philosophie*. Paris: Minuit.
- . (1967) 1973. *Speech and Phenomena*. Evanston, 111: Northwestern University Press.
- . (1967) 1976. *Of Grammatology*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- . (1967) 1980. *Writing and Difference*. Chicago: University of Chicago Press.
- . (1972) 1981a. *Positions*. Chicago: University of Chicago Press.
- . (1972) 1981b. *Dissemination*. Chicago: University of Chicago Press.

- . 1983. The Time of a Thesis: Punctuations. Pp. 34–50 in *Philosophy in France Today*, edited by Alan Montefiore. Cambridge: Cambridge University Press.
- de Saussure, Ferdinand. (1915) 1972. *Cours de linguistique générale*. Paris: Payot.
- Descombes, Vincent. 1980. *Modern French Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dews, Peter. 1986. French Philosophical Modernism: A Critique of Derrida, Foucault, Lyotard and Lacan. New York: Schocken.
- DiMaggio, Paul, and John Mohr. 1985. Cultural Capital, Educational Attainment and Marital Selection. *American Journal of Sociology* 90: 1231–1261.
- Fabiani, Jean-Louis. 1983. Les Programmes, les hommes et les oeuvres: Professeurs de philosophie en classe et en ville au tournant du siècle. *Actes de la recherche en sciences sociales* 47–48: 3–21.
- Fekete, John. 1984. The Structural Allegory: Reconstructive Encounters with the New French Thought. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Ferry, Luc, and Alain Renaut. 1985. *La Pensée 68, essai sur l'anti-humanisme contemporain*. Paris: Gallimard.
- Finas, Lucette. 1973. Etude. Jacques Derrida: Le déconstructeur. *Le Monde (des livres)* No. 8838, July 14, pp. 22–23.
- Finas, Lucette, et al. 1973. Ecarts: Quatre essais apropos de Jacques Derrida. Paris: Fayard.
- Foucault, Michel. 1965. Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. New York: Pantheon.
- . (1966) 1971. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences. New York: Pantheon.
- . (1969) 1972. *The Archaeology of Knowledge*. New York: Harper.
- Gasche, Rodolphe. 1979. Deconstruction as Criticism. *Glyph* 6: 177–215.
- Giovannangeli, Daniel. 1979. *Ecriture et répétition: Approches de Derrida*. Paris: Union générale des éditeurs.
- Graff, Gerald, and Reginald Gibbons. 1985. *Criticism in the University*. Evanston, Ill.: Northwestern University Press.
- G. R. E. P. H. (Groupe de recherche sur l'enseignement de la philosophie). 1977. *Qui a peur de la philosophie?* Paris: Aubier-Flammarion.
- Hamon, Herve, and Patrick Rotman. 1981. Les Intellocrates: Expédition en haute intelligentsia. Paris: Ramsay.
- Heirich, M. 1976. Cultural Breakthroughs. Pp. 23–40 in *The Production of Culture*, edited by Richard A. Peterson. Beverly Hills, Calif.: Sage.
- International Bibliography of Books and Articles on Modern Languages and Literature. 1981–1984. New York: Modern Language Association.
- Isambert, François-André. 1985. Un 'programme fort' en sociologie de la science? *Revue française de sociologie* 26: 485–508.
- Jameson, Fredric. 1972. *The Prison-House of Language*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- . 1980. *The Political Unconscious*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Janik, Clair A., and Stephen E. Toulman. 1973. *Wittgenstein's Vienna*. New York: Simon & Schuster.
- Jauss, Hans Robert. 1982. *Toward an Aesthetic of Reception*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Jay, Martin. 1973. The Dialectical Imagination: A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923–1950. Boston: Little, Brown.
- . 1984. *Marxism and Totality*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Judt, Tony. 1986. *Marxism and the French Left*. Oxford: Clarendon.

- Kadushin, Charles. 1974. *The American Intellectual Elite*. Boston: Little, Brown.
- Karady, Victor. 1979. Stratégie de réussite et modes de faire-valoir de la sociologie chez les durkheimiens. *Revue française de sociologie* 20: 49–82.
- Kuklick, Bruce. 1977. *The Rise of American Philosophy*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Kurzweil, Edith. 1980. *The Age of Structuralism: Lévi-Strauss to Foucault*. New York: Columbia University Press.
- Lacan, Jacques. (1966) 1977. *Ecrits: A Selection*. New York: Norton.
- Lamont, Michhle. 1987. The Influence of Intellectuals on the Production of Culture in France and the United States since WWII. In *The Role of Intellectuals in Liberal Democracies*, edited by Alain G. Gagnon. New York: Praeger.
- Lamont, Michhle, and Annette Lareau. 1987. Cultural Capital in American Research: Problems and Possibilities. *Working Papers and Proceedings of the Center for Psychosocial Studies*. Chicago: Center for Psychosocial Studies.
- Laruelle, Françoise, et al. 1977. *Le Déclin de l'écriture*. Paris: Aubier-Flammarion.
- Leavey, John, and David B. Allison. 1978. A Derrida Bibliography. *Research in Phenomenology* 18: 145–160.
- Leitch, Vincent B. 1983. *Deconstructive Criticism: An Advanced Introduction*. New York: Columbia University Press.
- Lemert, Charles, ed. 1981. *French Sociology: Rupture and Renewal since 1968*. New York: Columbia University Press.
- Lentricchia, Frank. 1980. *After the New Criticism*. Chicago: University of Chicago Press.
- Macksey, Richard, and Eugenio Donato. 1970. *The Structuralist Controversy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Marceau, Jane. 1977. Class and Status in France: Economic Change and Social Immobility, 1945–1975. New York: Oxford University Press.
- Martin, Wallace. 1983. Introduction. Pp. xv–xxxvii in *The Yale Critics: Deconstruction in America*, edited by Arac et al. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Marx, Karl, and Friedrich Engels. 1972. *German Ideology*. New York: International.
- Miller, J. M. 1981. *French Structuralism: A Multidisciplinary Bibliography*. New York: Garland.
- Montefiore, A., ed. 1983. *Philosophy in France Today*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Norris, C. 1982. *Deconstruction: Theory and Practice*. London: Methuen.
- Pinto, Louis. 1981. Les Affinités Électives: Les amis du *Nouvel Observateur* comme groupe ouvert. *Actes de la recherche en sciences sociales* 36–37: 105–124.
- . 1984. La Vocation de l'universel. La formation de la représentation de l'intellectuel vers 1900. *Actes de la recherche en sciences sociales* 55: 23–33.
- Pollack, Michel. 1979. Paul Lazarsfeld, fondateur d'une multinationale scientifique. *Actes de la recherche en sciences sociales* 25: 45–59.
- Radnitsky, Gerard. 1973. *Contemporary Schools of Meta-Science*. Chicago: Regnery.
- Rorty, Richard. 1979. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Ruegg, Maria. 1979. The End (s) of French Style: Structuralism and Post-Structuralism in the American Context. *Criticism* 29 (3): 189–216.
- Ryan, Michael. 1982. *Marxism and Deconstruction: A Critical Articulation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Searle, J. R. 1983. The Word Turned Upside Down. *New York Review of Books* October 27, pp. 74–78.

- Scholes, Robert E. 1974. *Structuralism in Literature*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Simonton, Dean. 1976. The Socio-Political Context of Philosophical Beliefs. *Social Forces* 54: 13–23.
- Sutton, Walter E. 1963. *Modern American Criticism*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Turkle, Sherry. 1978. *Psychoanalytic Politics: Freud's French Revolution*. New York: Basic.
- Varennnes, Herve. 1977. *Americans Together: Structured Diversity in a Midwestern Town*. New York: Teachers College Press.
- Wahl, Jean. 1962. *Tableau de la philosophie française*. Paris: Gallimard.
- Watson, George. 1978. *Modern Literary Thought*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Whitley, Richard. 1984. *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*. Oxford: Clarendon.
- Wuthnow, Robert, J. D. Hunter, Albert Bergensen, and Edith Kurzweil. 1984. *Cultural Analysis: The Work of Peter L. Berger, Mary Douglas, Michel Foucault and Jurgen Habermas*. Boston: Routledge & Kegan Paul.